

18+ Константин Карманов

НАЦПРОЕКТ

Современный производственный роман
с прологом и эпилогом

Константин Карманов

**Нацпроект. Современный
производственный роман
с прологом и эпилогом**

«Издательские решения»

Карманов К. Н.

Нацпроект. Современный производственный роман с прологом и эпилогом / К. Н. Карманов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-988491-6

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Столичный политтехнолог берётся руководить сельскохозяйственным инвестиционным проектом в глубинке. Прекрасная фактура. Местами смешно, местами грустно, но точно не скучно. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-988491-6

© Карманов К. Н.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Погружение	16
Хождение по дну	20
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Нацпроект Современный производственный роман с прологом и эпилогом

Константин Николаевич Карманов

Дизайнер обложки Святослав Плющ

Корректор Анастасия Казакова

© Константин Николаевич Карманов, 2020

© Святослав Плющ, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-8491-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Всё описанное в этой повести является абсолютным вымыслом автора. Все совпадения с реальными людьми и событиями случайны. Автор убедительно просит читателей не искать никаких параллелей с реальной жизнью.

Прямая речь и размышления персонажей повести иногда содержат ненормативную лексику. Если уважаемому читателю это непереносимо, уважаемый читатель может книгу отложить и не читать. По-другому автор не мог. Как писал Булат Окуджава,

*каждый пишет, как он слышит,
каждый слышит, как он дышит,
как он дышит, так и пишет,
не стараясь угодить...
Так природа захотела,
почему – не наше дело,
для чего – не нам судить.*

Посвящается светлой памяти моего покойного отца Николая Владимировича Карманова, который всегда был и остаётся для меня недостижимым образцом человеческой порядочности и трудолюбия.

**Сначала шумиха, потом неразбериха, потом поиски виновных,
затем наказание невиновных и, наконец, награждение непричастных.**

Научный фольклор

(приписывается академику В. М. Глушкову)

Пролог

Весна 2007 года не была ни ранней, ни поздней. Всё происходило ровно в положенные календарные сроки.

На душе было славно и спокойно. Вчера Костя договорился с хозяином компании о своём уходе на приемлемых для себя условиях. Разговор с Хорьковым прошёл неожиданно легко. Возникло ощущение, что хозяин, которого за глаза все, естественно, называли Хорьком, испытал некоторое облегчение и тихую радость, когда услышал, что Костя хочет уйти. Единственное, что немного портило картину, это нежелание хитрого Хорька отпустить Костю совсем и сразу. Наговорив айсберги лживых слов, хозяин добился согласия не выпускать информацию о Костином уходе в окружающее пространство, освободил его практически ото всех обязанностей, в том числе и от обязательного ежедневного присутствия в офисе, и оставил только осуществление внешних связей, которых в силу абсолютной закрытости компании было чертовски мало. Платить за эту имитацию деятельности он предложил три тысячи долларов в месяц и оставил в Костином пользовании недорогой, но вполне приличный корпоративный седан бизнес-класса. За это в глазах бизнес- и пиар-сообществ Костя должен был закрывать в компании позицию директора по корпоративным связям.

Попридуриваться у Хорька ещё какое-то время было вполне допустимо, поскольку никаких идей или предложений другой работы всё равно не было, уходил в никуда. Можно было спокойно, не торопясь привести мысли в порядок и решить, чем дальше заниматься или уже ничем не заниматься и устроить себе ранний выход на пенсию. Однако и засиживаться у Хорькова больше чем два—три месяца было нельзя, можно было докатиться до унижительного положения приживалки.

Думать о ранней пенсии не хотелось. Всего сорок пять лет, ещё молодой, здоровый и активный во всех отношениях мужик. Хотя возможность не работать при некоторой минимизации своих потребностей и введении ограничений в семейном бюджете уже была. Нора на старость лет в виде хорошего дома на берегу водохранилища в ста семидесяти километрах от столицы была построена, да и кормушка из сети маленьких магазинчиков в районе той самой норы и небольшого рекламного агентства не пустовала.

С рекламы когда-то всё и начиналось, хотя, если быть точным, всё начиналось с частного авторемонта. Когда Костина жена Светка родила двойняшек, авторемонт пришлось бросить и по вечерам заниматься частным извозом, чтобы добыть денег на еду, витамины и массажисток, необходимых семье. В рекламный бизнес Костю затянуло в непонятном девяностом.

По образованию инженер-механик, перспектив в профессии он не видел никаких. Против возврата в частный авторемонт категорически возражала жена, да Костя и сам понимал, что постоянно общаясь со слесарями, сварщиками, кузовщиками, малярами и прочими нужными людьми, включая клиентов, которые были чем богаче, тем бескультурнее, он скоро полюбит русский шансон и для связки слов станет, сам не замечая этого, постоянно употреблять известные русские артикли «бля» и «нах». Поэтому когда старые Светкины приятели по студенческим гулянкам, выпускники столичного архитектурного института, люди в равной степени креативные и сумасшедшие, предложили Косте место водителя в недавно созданной при одной молодой бизнес-структуре рекламной службе, он не думая согласился.

Водителем Костя проработал месяца два, а потом начальник рекламной службы предложил ему сразу возглавить отдел по связям с телевидением и радио. Было страшно браться за совершенно незнакомое дело, но Костя благодаря моральной поддержке жены решился, и как-то оно всё получилось.

Это были забавные времена, когда никто толком не понимал, что происходит и как надо работать в новых экономических условиях. Профессионалов не было нигде и ни в чём. Те, кто

добивался успеха, добивались его исключительно за счёт своей энергии и сообразительности, активно набивая шишки и по ходу дела обучаясь азам профессии за счёт своих клиентов. Вот и Костя прошёл курс молодого бойца за счёт той бизнес-структуры, резвился на их деньги и кое-чему научился.

Теперь этой бизнес-структуры уже нет. Хозяин её, бывший олигарх, осуждён на длительный срок заключения, и вряд ли его скоро выпустят, активы отобрали и переданы в государственную корпорацию, а начальник рекламной службы теперь большой человек в команде президента, отвечает за внутреннюю политику. Что ж – молодец, хорошо учился, пока тратил заработанные зеком-олигархом денежки.

Начальником отдела по связям с телевидением и радио Костя проработал около полу-года, чему-то научился, оброс кое-какими связями и решился создать с теми самыми креативно-сумасшедшими дизайнерами-архитекторами своё частное рекламное агентство, которое быстро стало одним из первых на рынке и по номеру, и по мастерству. Кроме того, за командой тянулся шлейф – «те самые ребята, которые сделали ту самую первую масштабную рекламную кампанию в этой стране», так что от клиентов отбоя не было. Сейчас, после семнадцати лет в рекламном и пиар-деле, Костя с тёплой улыбкой вспоминал, что они тогда вытворяли, как они резвились за счёт ничего не понимающего отечественного клиента. Это был настоящий пир духа. Щенячий визг и брызги шампанского.

Агентство активно развивалось вместе с общим развитием рынка, работать было интересно, доходы позволяли быть гордым. Костя даже отказался от многочисленных предложений по перепродаже эфирного времени на телевидении и рекламных площадей в печатных средствах массовой информации. Это казалось тупым торгашеством. Ничего интересного: оптом купил – в розницу распродал, с телевизионными и газетно-журнальными функционерами поделился. Интересен был креатив, интересно было управление массовым сознанием, когда после их рекламных кампаний народ выстраивался в огромные очереди за какими-нибудь акциями или бросался открывать счета в новых коммерческих банках.

Профессиональная усталость пришла через семь лет, стало вдруг скучно. Чем профессиональнее становились сам Костя и его бойцы, тем меньше творчества оставалось в работе, оставалось одно ремесло. Спасательный круг в виде старого университетского товарища, который пришёл и попросил сделать ему выборы, Господь послал в девяносто седьмом. Костя подумал и решил, что если рассматривать акт голосования как акт покупки светлого будущего, как избиратель его себе представляет, то выборная кампания ничем не отличается от рекламной, и согласился. Так начался новый этап жизни под названием «выборные технологии», или, как метко сказал кто-то из коллег, «политический маркетинг».

Выборы приятеля, несмотря на его низкие стартовые позиции, Костино агентство выиграло оглушительно, и пошло-поехало на следующие девять лет. Жизнь текла сытно, интересно и динамично. В отличие от рекламы, избирательные кампании давали больше морального, да и материального удовлетворения потому, что имели чёткие временные рамки и ясный результат, не подлежащий расширенному толкованию. У заказчиков, как правило, не было возможности обесценить Костину профессиональную победу, как это часто бывало в рекламном бизнесе, когда при подведении итогов проведенных кампаний начинали звучать самодовольные заявления, что полученный результат это не заслуга рекламщиков, а это потому, что наш банк, наш товар или наша услуга самые лучшие.

Однако рано или поздно всё заканчивается, закончились и выборные баталии, и отнюдь не по Костиному желанию. Новый президент и его команда, выстраивая в стране вертикаль власти как они её понимали, тихо удавили институт выборов до приплинтусного состояния назначения на выборные должности своих людей, лично им преданных и начисто лишённых собственного мнения. Участвовать дальше в этом псевдополитическом балагане было неинтересно; денег политтехнологам, от которых по большому счёту перестало что-либо зависеть,

стали платить гораздо меньше. Возвращаться к обрыдлому рекламному ремеслу не хотелось, но и на пенсию было идти рановато.

Первое, что Костя сделал, считая себя толковым менеджером, это распустил среди знакомых более-менее крупных предпринимателей информацию о том, что он свободен и ищет себе применение в каком-нибудь масштабном, достойном себя проекте. Все без исключения знакомые бизнесмены непрерывно ныли по поводу удушающего кадрового голода: кругом, мол, одни дураки и воры, совершенно не на кого опереться. Это вселяло надежду, что Костю станут рвать на части, а он будет гордо выбирать самое лучшее, интересное и выгодное предложение.

Однако почему-то так не случилось. Не получив за полгода ни одного предложения, он с тоской осознал, что он со всеми своими способностями и энергией никому не нужен. Почему не нужен – он не понимал. Складывающаяся картина сильно не соответствовала нытью про кадровый голод, банальной логике и здравому смыслу. Начала подкрадываться депрессия, Косте стало казаться, что, видимо, есть в нем некая, незаметная ему самому ущербность, эдакая дефективность, которую окружающие прекрасно видят, а сам он не осознаёт. Других объяснений своей не востребованности в голову не приходило, и началась депрессивная интеллигентская рефлексия четвёртой степени.

Выдернул Костю из этого полуобморочного состояния тот самый Хорёк, от которого теперь Костя уходил. Позвонил на мобильный, пригласил поужинать в модный итальянский ресторан и предложил место директора по корпоративным связям в своей компании. Еда была дерьмо, а вот предложение – вполне приличное. Хорьков вдохновенно рассказал, что собирается акционироваться, выводить акции на биржу и ему позарез надо сделать компанию по западному типу: прозрачной, публичной и очень лояльной к окружающей среде. Задача была интересной, условия – достойными, и Костя, потянув для приличия недельку, согласился.

Что касается условий, Хорёк выполнил свои обещания полностью, а что касается задачи – обманул. Вместо открытости и лояльности потребовалась самая тупая и чёрная пиар-работа – сбор негатива на основных конкурентов, подготовка сделанных на грани клеветы порочащих материалов и размещение их в средствах массовой информации, за наличные, разумеется. В профессиональном плане это было скучное продолжение весёлых девяностых, приличные люди давно уже без крайней нужды такими вещами не занимались.

Хорьков Костиными руками выплёскивал в информационное пространство ушаты помоев, а конкуренты дружно отвечали заказными уголовными делами и обращениями в разновсяческие комиссии по корпоративной этике. Поскольку больше ничего делать Косте не разрешалось, решение уходить быстро стало твёрдым и окончательным. Никаких идей о том, чем заниматься дальше, не было. Возвращаться в своё съёжившееся, но продолжающее приносить довольно стабильный доход рекламное агентство не хотелось, там вполне успешно справлялась жена Светка, подхватившая дело после Костиного ухода к Хорьку.

Для начала надо было себя чем-нибудь побаловать. Отлежавшись несколько дней на любимой даче, нагулявшись и отоспавшись, Костя, усадив жену в корпоративное авто, поехал по автосалонам покупать себе новую машину. Процесс выбора, покупки, дооборудования и постановки на учёт силами проходимца, рекомендованного автосалоном, занял ровно неделю. Никаких здравых мыслей за это время в голову не пришло.

Загрузив в свой новенький кроссовер жену, собак и кошек, которых было по две, Костя не торопясь, стараясь не насиловать новую машину, ехал на дачу. Шла вторая неделя марта, яркое солнышко приятно грело салон, вытапливало грязные ручейки из-под сугробов на обочинах. Внутри царил тёплая, спокойная пустота.

Мобильный зазвонил, когда от столицы отъехали километров на сто. Давно знакомая девочка из приёмной Папарота голосом, которым обычно сообщают о выигрыше большого приза, сообщила, что Андрей Шулимович приглашает встретиться и побеседовать. Задав вопрос о предмете встречи и не получив вразумительного ответа, Костя уточнил дату, время

и согласился. Отключившись, закурил, мысли побежали в разные стороны. Интересно, что будет предлагать. Ясно, что предлагать что-то будет, а вот что? Работу в государственной корпорации, которую он возглавляет, или что-нибудь в своих личных бизнес-проектах.

Андрея Шулимовича Папарота Костя знал давно. Знакомство их состоялось при довольно забавных обстоятельствах, которые, впрочем, тогда, в начале девяностых, забавными не казались. Костино рекламное агентство вело полное рекламное и пиар-обслуживание молодой, но очень динамично развивающейся группы предприятий, объединённых в некий консорциум, главным акционером которого и, естественно, его главой был Михаил Фрид – молодой, талантливый и активный бизнесмен. В те времена Костя общался с ним часто и на ты. Теперь, когда Фрид стал великим «олигархом», входящим в пятёрку самых богатых людей страны, связь, естественно, прервалась.

Во время одной из таких регулярных встреч Михаил вдруг поставил Косте неординарную задачу – консорциум решил создать свой частный банк, срочно нужен был толковый человек на должность председателя правления. Требовалось разместить в центральных газетах объявление о вакансии председателя правления банка. Костя сильно удивился: ему в те времена и в голову не могло прийти, что на такую ответственную должность можно брать незнакомого, непроверенного человека с улицы по объявлению. В ответ на высказанные Фриду сомнения услышал:

– Ты ни хрена не понимаешь. Делай, что я говорю. Только объявление составьте так, чтобы всякие придурки не лезли, а толковые заинтересовались.

По одному из тех объявлений в столицу и приехал молодой Андрюша Папарот, показался Фриду лучше других и возглавил недавно созданный «Бетта-банк», получив печать, завёрнутую в бумажку, и ключи от арендованного помещения бывшей почты с провалившимися полами и крысами. Костя же со своим агентством получил задачу срочно сформировать новому банку имидж надёжного, солидного, богатого и уважаемого.

С Андрюшей они тогда практически подружились. Не имея в столице ни родных, ни знакомых, Андрей тянулся к людям, которые казались ему интересными. В Костиных же глазах Папарот выгодно отличался от прочих людей бизнеса своей человечностью. Не раз, бывало, за рюмкой водки он говорил Косте:

– Ты не думай, я не такой, как Фрид.

Потом было три года ударного труда. Банк постепенно стал одним из крупнейших и известнейших в стране. Находясь на самом гребне волны, Андрей вдруг рассорился с Фридом и ушёл. Ушёл в никуда, за это Костя зауважал его ещё больше. Вот ведь мужик! Не поступился своим человеческим достоинством ради денег и положения.

Выплыл Папарот через некоторое время в команде Рыжего Приватизатора и долгих десять лет соучаствовал с ним в реструктуризации государственной энергетической системы. Задача была нелёгкая, но они с ней справились. Монополию раздробили, растащив при этом всё что смогли, сделались все лично очень богатыми людьми, а Андрюша ещё и остался руководить Государственной сетевой компанией, в которую выделили все транспортные энергосети по всей стране. Сделался руководителем огромной корпорации – жутко важным и вечно занятым чиновником. Отношения с Костей остались на уровне «один раз в год встретиться в каком-нибудь ресторане, выпить водки и поболтать за жизнь».

От разных общих знакомых и от самого Папарота Костя не раз слышал, что Андрей активно ищет перспективные направления, куда можно было бы выгодно вложить свои деньги и сделать хороший бизнес. Работа на государство была не вечна, сильно зависела от политической конъюнктуры и благорасположения кланов, находящихся на вершине власти. Всем было очевидно, что рано или поздно Андрюшу оттуда попрут, он и сам это понимал и мечтал к этому времени стать хозяином некоторого количества стабильных и прибыльных предприятий, дабы

на старости лет не спеша объезжать свои владения, проводить совещания и корректировать работу управляющих топ-менеджеров.

Три дня до назначенной встречи пролетели незаметно. Дача, солнышко, весна, разнообразные догадки и предположения. Папарот принял Костю в своём кабинете, в офисе Государственной сетевой компании. После обычной вводной части – как семья, как дети, как дела – перешёл к сути вопроса:

– Мне тут губернатор Соколовской области два года назад подарил конезавод. Оформили за копейки, через банкротство. Разгром там был жуткий, всё развалено, лошади отошавшие. Нанял я туда управляющего, начал порядок наводить – лошадок кормить, конюшни чинить, а перспективы финансовой от лошадок не видно. Рысаки сейчас не в моде, бега и ипподромы в загоне. Получается, содержание конезавода мне обходится где-то тысяч в четыреста долларов в год. Деньги не очень большие, да мне и не жалко, чтобы лошадки кушали, но поскольку там при конезаводе ещё пять тысяч гектаров отличного чернозёма, возникла идея сделать там сельхозпредприятие. Такое, понимаешь, образцовое кулацкое хозяйство, чтобы зарабатывало достаточно для прокормления конезавода, ну и чтоб прибыль оставалась.

Костя внутренне напрягся. Не таков был соколовский губернатор, чтобы дарить или дёшево отдавать хорошие вещи. Егор Сергеевич был известной сволочью ещё старой коммунистической школы, для него обмануть такого нуворища, как Папарот, было делом чести, доблести и геройства. Недаром народ дал ему ёмкую кличку Удав – за жадность, корыстолюбие и холодное безразличие к жертвам.

Андрюша тем временем продолжал:

– Вот губернатор мне и предложил построить новый современный молочный комплекс. Утверждает, что дело верное и прибыльное, тем более – государство затеяло нацпроект, субсидирует процентную ставку по кредиту на строительство и ввод в эксплуатацию таких объектов, а ГосАгроБанку выделили кучу денег на финансирование таких проектов.

Костино напряжение нарастало. Чтобы унять эмоции, он не торопясь закурил, откинулся на спинку кресла, напустил на себя равнодушный вид и спокойно сказал:

– погоди, Андрей, вообще-то в бизнесе бытует общее мнение, что сельское хозяйство – это глухая жопа.

– Ерунда! Я абсолютно уверен, что в долгосрочной перспективе дело прибыльное. Производство молока в постсоветское время упало в разы, а народ его пьёт и будет пить. Транспортировка цельного молока на дальние расстояния невозможна. Но главное, конечно, – дармовые и долгие кредитные деньги. Я вкладываю своих тридцать процентов, а семьдесят мне даёт государство через ГосАгроБанк, и за эти семьдесят с учётом субсидирования процентной ставки я плачу всего полтора процента годовых, а инфляция всяко восемь—десять.

Костя глубоко затянулся вкусным дымком швейцарской сигаретки и подумал: «Интересно, ты сам-то веришь в то, что мне говоришь, или врёшь, как комиссар перед атакой? Неужели губернатор тебе так мозги засрал, что очевидного не замечаешь? Народ по бедности и серости жрёт порошковые молочные продукты и всем доволен, а что касается помощи от государства, то тут внимательно посмотреть надо, где тебя обмануть пытаются и как обобрать».

Тем временем Андрюша продолжал:

– Одним словом, начали мы год назад строить такой комплекс, но произошла кадровая ошибка. Ребята, которых я взял на этот проект, не справились. Главное, не смогли в нужном объёме получить кредитные деньги в ГосАгроБанке. Когда я стал разбираться, в чём проблема, руководитель проекта просто взял и сбежал, всё бросив. В общем, нужно срочно подхватывать это дело, восстанавливать управляемость, наводить порядок.

– Андриюша, ты же знаешь: я ментально – частный предприниматель, мне за зарплату скучно, мне интерес нужен. А здесь, в сельхозтеме, у меня большие сомнения в нормальной доходности.

– Да, это, конечно, не быстрое дело, да и очень много здесь не заработаешь, но я уверен: миллионов сто точно заработать можно. А насчёт твоего интереса давай так: ты сначала вникни в дело, разберись, а потом поговорим, обсудим систему мотивации.

– Ладно, я посмотрю. Мне нужно пару недель, все бизнес-планы, которые старая команда рисовала для тебя и для банка, и крайне желательно человека, который был в процессе с самого начала. Он бы сопроводил меня на место и ответил бы на мои вопросы, желательно честно. Есть у тебя такой?

– Конечно, Коля Зуделкин. Хороший парень.

– А что же ты его на это дело не поставишь?

– Да он не потянет. Тут менеджер нужен, а он просто хороший парень. Тут нужен мужик с хозяйским взглядом.

– Ладно; думаю, две недели мне хватит. Через две недели я у тебя. Обсудим условия и всё порешаем.

От Папарота Костя вышел в приподнятом настроении. Конечно, сельхозбизнес оптимизма не внушал, говнецом попахивало от сельхозбизнеса, но было интересно. Ничем подобным раньше заниматься не доводилось, не считая копания картошки у бабушки в подмосковной деревне и вкалывания по выходным до хруста в суставах у родителей на их шестисоточной дачке.

Первым делом надо было срочно найти себе на это дело толкового напарника. Все старые кадры из рекламных и пиар-цехов не годились. Нужен был цепкий парень с менеджерскими способностями, обязательно соображающий в экономике и финансах.

Среди людей, с которыми Косте было бы не противно иметь дело, единственным относительно свободным человеком, обладающим этими качествами, был Игорь Бузин – огромный, шкафообразный детина, до сих пор играющий в волейбол за команду ветеранов столичного института международных отношений, экономический факультет которого он когда-то окончил. Костя называл его маленьким братом.

У Игоря был весьма приличный опыт реального бизнеса, была когда-то своя довольно крупная оптовая компания и богатый опыт кредитования в разных банках. К сожалению, его бизнес сгубили его собственные честность и порядочность. После известного дефолта конца девяностых он уже не поднялся, поскольку вместо того чтобы как все кинуть своих западных поставщиков, неся огромные убытки, несколько лет гасил им долги. Наивный Игорь думал, что западники оценят его порядочность, а западники, как только Игорь рассчитался полностью, выкатили ему такие условия, что его уже полудохлая на тот момент компания издохла окончательно. С тех пор Бузин мыкался наёмным директором. Отношения с хозяевами у него не складывались, видимо слишком он привык к самостоятельности. Кроме того, он категорически не мог воровать и поэтому везде требовал себе достойной официальной зарплаты. Хозяева этого понимать не хотели или не могли.

На Костино предложение посмотреть хозяйство и оценить ситуацию маленький брат согласился сразу. Следующие три дня прошли в бурных обсуждениях и сборе информации, потом решили выдвигаться на место. Поехали на Костином кроссовере, Коля Зуделкин – хороший парень – ждал их на своём джипе на первой после столичной кольцевой дороги автозаправке. От столицы до места было триста семьдесят километров. Дорога была дрянная, ехали четыре с половиной часа.

Первым впечатлением от хозяйства были грязь, унылость и страх встречающих людей. Директор оказался щупленьким вёртким мужичишкой по фамилии Шманьков. Папарот почему-то за глаза окрестил его комсомольцем, хотя ничего комсомольского в его мимически

активной обезьяньей мордашке не было. Костя беседовал с ним долго. Выяснилось, что директор раньше был начальником районной машинно-тракторной станции. Потом, когда от этой конторы остались только полуразвалившиеся ангары, он перепрыгнул в чиновники районной администрации, где быстро дослужился до зама главы района. Когда кресло главы района освободилось, Шманьков нацелил в него свою задницу, но случилось страшное: губернатор-Удав решил его судьбу иначе. В результате хитрой операции главой района стал некий Данилкин, а Шманьков оказался на улице. Карьера рухнула, знакомые перестали здороваться, строительство нового дома остановилось – воровать стало негде.

Убедившись, что Шманьков полностью осознал свою ничтожность, губернатор смиловился и настоятельно порекомендовал его Папароту, руководить подаренным хозяйством. Андрей, понимая, что на губернаторского ставленника всерьёз рассчитывать не приходится, формально сделал его генеральным директором, но при этом прислал из столицы команду ребятишек для реального управления проектом. Ребятишки через год, по непонятным пока причинам, разбежались, а Шманьков остался руководить.

Поскольку хороший парень Коля Зуделкин, поставленный Папаротом на этот проект смотрящим, предпочитал проводить время в столице с молодой женой и маленьким сынишкой и в хозяйстве появлялся не чаще одного раза в две недели, да и то часа на два—три, Шманьков воцарился, обставился своими людьми и сделался абсолютно счастлив. Единственным, что отравляло его счастливую жизнь, была тягостная, патологическая, иррациональная ненависть к действующему главе района.

Костин приезд, естественно, вызвал у него сильное беспокойство и страх: заканчивалось благостное время бесконтрольности. Главные специалисты хозяйства, явно подобранные по принципу личной преданности, на контакт шли неохотно, сопели, тарасили глаза и судорожно пытались угадать правильные ответы. Самым печальным оказалось полное отсутствие у них каких бы то ни было представлений об экономической эффективности хозяйствования. Услышав слова «себестоимость произведенной продукции», команда впадала в ступор, явно не понимая, о чём речь. Понимали они только «вал» и «план», а то, что произведённая продукция по себестоимости оказывалась в полтора раза дороже своей рыночной стоимости, никого не волновало.

В их размягчённых мозгах намертво сидело, что Папарот, которого они уважительно называли инвестором, должен давать им денег на покупку техники, на запчасти, на семена, на удобрения, на солярку, на зарплату, на налоги и, конечно, на строительство нового животноводческого комплекса. Он же для того и есть, инвестор, чтобы давать. А они: агрономы, инженеры, зоотехники и директор – будут красть всё что только смогут и слать инвестору героические отчёты о тысячах гектаров обработанной земли, тысячах тонн собранного зерна, сахарной свёклы и о том, что денег, вырученных от продаж всей этой продукции, хватит им на зарплату аж месяцев на пять. А потом инвестор опять должен им давать.

Но зато когда инвестор захочет посетить свои уголья маркиза Карабаса, он обалдеет от красоты возделанных полей, его упоят водкой, обкормят ягнятиной-поросятиной, спляшут ему камаринского и барыню, искупают в пруду и всю задницу ему расцелуют в кровь. Главное, чтоб давал не переставая. Костя с ужасом понял, что эти люди навсегда остались в развитом социализме. Только теперь вместо государства, которое давало, был инвестор.

На строительстве комплекса дела обстояли не лучше. Был произведен строймонтаж приблизительно половины объектов, внесённых в проект, но оказалось, что в проект внесена только половина объектов, необходимых для функционирования комплекса. Ошибкой это быть не могло. Правда выяснилась, когда Игорь притащил бизнес-план, обнаруженный им где-то в бухгалтерии хозяйства. Пяти минут хватило, чтобы понять, что орлы, которые его рисовали, сознательно скрыли две трети инвестиционных затрат, добиваясь рекордных сроков окупаемости. По их писулькам получалось, что проект полностью окупится через три года после

начала инвестирования. Выходило, что Папарота просто обманули, развели как мальчишку. Это было странно: Андрюша вроде давно не мальчик в бизнесе, как же он мог позволить себя так примитивно надуть?

Дальше пошло ещё веселее. Выяснилось, что проектировщик, заказчик-застройщик и генеральный подрядчик – это всё одно и то же лицо, имеющее три фирмы с соответствующими лицензиями. То есть он сам проектировал, сам составлял сметы, сам проверял, сам строил и сам себя контролировал по цене, качеству и соответствию проекту. Естественно, при таком раскладе цена строительства оказалась завышенной как минимум в два раза. На момент Костиного приезда строители старательно изображали обиженных, бубнили, что денег им не дают, авансы кончились и строить не на что. На стройплощадке в режиме сонных мух ковырялась бригада армян-гастарбайтеров, человек десять—двенадцать.

Более всего странным Косте показалось, что стройка шла уже почти год, а государственная экспертиза проекта до сих пор не была пройдена и не было получено разрешение на строительство. Именно этот факт с удовольствием использовали работники соколовского ГосАгроБанка, чтобы не давать хозяйству кредитных денег. В итоге в проекте было нарушено главное. Соотношение денег инвестора и долгосрочно-дармовых кредитных было не тридцать на семьдесят, как предусматривал нацпроект, а ровно наоборот – семьдесят на тридцать.

Этот перекосящий проект абсолютно экономически бессмысленным, и послужил причиной скандала между Папаротом и руководителем предыдущей управляющей команды, неизвестным Косте человеком с забавной фамилией Спесивый. Андрюша вызвал Спесивого к себе и в жёсткой форме наехал на него по поводу происходящей «фигни». Результат беседы оказался неожиданным даже для многоопытного Папарота: Спесивый просто сбежал. Бросил дело, сменил съёмную квартиру и номер мобильного телефона и растворился яко дым.

Доверенное лицо смотрящий Коля на Костины вопросы отвечал толково, было видно, что парень весьма неглуп и наблюдателен. Однако когда разговор неизбежно выходил на вопрос «А ты, смотрящий, куда смотрел?», Коля только дружелюбно улыбался и молча разводил руками.

Общая ситуация получалась очень грустная. Практически полный развал. Проект нужно было начинать с чистого листа, но чистого листа уже не было. Ситуация была отягощена большим количеством уже потерянных денег и изрядным числом заинтересованных в расхищении лиц, втянувшихся в этот проект. С каждым из этих лиц теперь предстояло разбираться новой команде.

Переночевать в хозяйстве оказалось негде, пришлось на ночь тащиться в Соколовск. Тридцать пять вёрст разбитого асфальта. Слава богу, хоть гостиница оказалась приличной. Поужинав в неожиданно неплохом ресторане в центре города и выкушав там с Игорем и смотрящим Колей бутылку водки, Костя принял душ и отключился.

Наутро, выпив кофейку и преодолев ямы и колдобины между областным центром и хозяйством, кряхтя и охая, продолжили погружение в пучину агробизнеса. Каждый новый нюанс, каждый новый факт делали картинку всё безрадостней и безрадостней. В столицу выехали поздно вечером. За ужином в придорожном кафе Игорь вытребовал себе стакан водки, после чего сообщил, что за много лет в бизнесе ни разу не видел столько мерзости и идиотизма одновременно в одном проекте.

Андрюшу-инвестора было просто жалко. Две группы лиц, не имея сговора, а имея простое совпадение интересов, втянули его в агрозадницу, и явно не с целью что-то создать и построить, а с целью просто использовать и обокрасть. Первым его обманул Удав-губернатор, которому нужно было показывать федеральному центру реализацию нацпроекта, но при этом федеральные деньги, выделенные ГосАгроБанку, тратить не хотелось. Эти деньги гораздо приятнее было давать своим подбрюшным хозяйствам, где они благополучно отмывались, после чего поступали в личный доход губернаторского семейства. Руководитель соколовского отде-

ления ГосАгроБанка, чьё назначение полностью зависело от воли губернатора, естественно, играл по его правилам и долю в этой воровской схеме явно имел не обидную. Потому и дал для затравки Андрюшину хозяйству небольшую часть денег, предусмотренных кредитным договором, а потом краник перекрыл.

А куда ты денешься, милый наш инвестор? Ты ведь постепенно, капля за каплей, вложил в эту срань пять миллионов долларов, и теперь у тебя, милый, выхода нету. Нет, можно, конечно, зафиксировать убытки и бросить всё к чёртовой матери, но тогда ты, выходит, сам дурак, и как же тогда твой имидж великого бизнесмена? И нечего твоим людишкам лезть к нам со своими двумя процентами отката, как это принято при кредитовании в других банках: тут у нас нацпроект, нам тут нам и двадцати процентов маловато будет. Ты что, дурашка, не понимаешь, что всё это вовсе не для того, чтобы молочное животноводство развивать? Это нам на прокормление, так что давай, красавец, финансируй всё дальше своими деньгами и не вякай.

Вторая группа была гораздо многочисленнее и разнообразнее, в неё входили все исполнители, на которых легла тяжёлая ноша расходования инвестиционного бюджета. Эта публика втягивала Андрюшу в процесс с целью украсть как можно больше на этапе инвестиций. В будущем они не верили, от этой глупости их давно отучили. Зачем трудиться и ждать? Лучше украсть сразу и побольше, а там трава не расти!

Такая модель поведения была в народе наиболее распространённой, практически национальной идеей. Всю жизнь людей уговаривали поверить в светлое будущее, чтобы заставить работать, а потом нагибали и засовывали хрен в задницу со словами: «А кому сейчас легко?!» Потом опять предлагали очередной вариант счастливого завтра: «Вы давайте сейчас потрудитесь на славу в грязи, в говне и за копейки, а уже потом вам всем станет хорошо».

Вот этого «хорошо» и не смогли дождаться уже несколько поколений Костиных соотечественников. Никто и не пытался поверить, что Папарот лучше, чем государство. Всем было совершенно безразлично, как называется тот, кто пытается их в очередной раз обмануть. Никого не интересовало будущее проекта и то, какими соображениями руководствуется Папарот, вкладывая деньги в сельское хозяйство. Вот и нарисовали инвестору фальшивый бизнес-план, втянули его в процесс, обманули и обокрали.

Костя остановил машину, вышел размяться, протёр фары влажной салфеткой. Игорь мирно спал на пассажирском сиденье. Ночью подмораживало, на обочине похрустывал ледок. Закурив очередную сигарету, снова сел за руль. Во всей этой ситуации оставались совершенно непонятными две вещи.

Первое – непонятно, как опытный, битый фраер Андрюша Папарот купился на это фуфло. Объяснить это можно было только какими-то неведомыми соображениями высшего порядка, недоступными Костиному пониманию. Мысль о том, что Андрюша просто спятил, что его скушала мания величия, развившаяся на почве сознания собственной исключительности, подпитываемая многими годами работы на высоких руководящих постах и сверхбыстрым личным обогащением, отметалась сразу. Костя слишком хорошо по-человечески относился к Андрею, чтобы в это поверить. Оставалось только тешить себя надеждами на какие-то иные, скрытые мотивации, о которых, видимо, ему пока знать не следовало. Второй вопрос, на который ответ никак не придумывался: что же это всё-таки за фрукт такой – хороший парень, смотрящий Коля Зуделкин? С одной стороны, он явно был неглуп и весьма наблюдателен, то есть не мог не видеть, как Андрюшу тотально обманывают и обворовывают, но при этом молчал, скрывая от Андрея масштабы бедствия, и трудился, мягко говоря, с ленцой.

Ладно, бог с ним, война план покажет. Проехали столичную кольцевую дорогу, пора было будить Игоря.

Оставшиеся до оговорённой встречи с Папаротом полторы недели прошли в расчётах, обсуждении вариантов и поисках информации, необходимой для получения ответов на вопросы, возникшие при посещении хозяйства. Коля Зуделкин всё это время отирался

вокруг, демонстративно старался быть полезным, непрерывно улыбался, являя миру образцы лояльности и дружелюбия. Однако было в его поведении что-то такое, что мешало Косте поверить в его искренность.

В конце концов план действий был формализован, и Костя двинулся к Папароту, сам до конца не понимая, хочется ему заниматься этим проектом или нет. Все эксперты, которых удалось найти, в один голос утверждали, что сроки окупаемости таких проектов находятся в интервале от восьми до десяти лет, да и то при условии увеличения поголовья дойного стада до двух тысяч четырёхсот голов. То, что на сегодняшний день проект был всего на тысячу двести голов, и то, сколько денег уже было просрано и разворовано, увеличивало срок окупаемости лет до пятнадцати. Следовательно, ни о каких «заработать миллионов сто», как болтал Андрюша, и речи быть не могло, да и планировать на пятнадцатилетний срок Костя был не готов. Для этой нестабильной страны и для Костиного сорокапятилетнего возраста это было многовато, так что запаха денег он не чувствовал.

С другой стороны, было очень интересно. Новое дело, абсолютно незнакомая сфера деятельности, масса новой информации. Застоявшийся, полусонный мозг, уставший от вынужденного отдыха, рвался в бой. Дело было явно живое, динамичное, требующее переработки больших объёмов информации и оперативного принятия решений. Кроме того, Папарота было жалко чисто по-человечески. Обидно было видеть, как хорошего мужика обворовывает спонтанно образовавшаяся вокруг него стая шакалов, хотелось ему помочь.

В разговоре на этот раз принимал участие Вова Овечкин, который был у Папарота самым доверенным лицом, кем-то вроде финансового директора. В его руках были все деньги, все активы, все финансовые потоки. Пока Андрюша трудился на ниве государственной энергетики, Вова рулил его личными финансами, старательно пытаясь их если не преумножить, то хотя бы не растерять. Костя знал Овечкина давно, даже не помнил, где, как и зачем они познакомились – просто знал, и всё. Поскольку их с Вовой интересы никогда и ни в чём не пересекались, отношений никаких не было.

Андрей был чрезвычайно ласков, желание, чтобы Костя взялся за этот проект и навёл в нём порядок, было очевидно, но когда услышал о необходимости начинать с разработки и просчёта нового, реального бизнес-плана, его явно захлестнула ярость. Повисла тягостная предгрозовая тишина, Овечкин втянул голову в плечи, воздух в кабинете сгустился и замер, в глазах Папарота сверкали бесовские молнии. Однако ему удалось сдержаться и продолжить разговор доброжелательным, даже несколько наигранно-весёлым тоном.

«Молодец мужик, – подумал Костя. – И энергетика мощная, и удар хорошо держит. Как говорит молодёжь, респект и уважуха!»

Структуру будущей управляющей компании, бюджет её содержания и план первоочередных мероприятий Андрей утвердил сразу, не торгуясь и не пытаясь вникать в мелкие детали. Овечкин тут же получил указание без капризов и задержек финансировать деятельность хозяйства и Костиной команды в рамках ежемесячно формируемых бюджетных планов. К вопросу о Костиной мотивации решили вернуться после разработки и утверждения нового честного бизнес-плана, который новой команде предстояло сделать. Попытку открутиться от управления конезаводом Папарот пресёк:

– Раз уж ты там будешь рулить всем хозяйством и инвестиционной программой, заодно и за конезаводом присмотришь.

Логика была понятна, возразить было нечего. Выйдя из офиса и сев в машину, Костя подумал: «Молодец Андрюха! Ни единого повода мне не дал, ни единой зацепки, чтобы отказаться от участия в проекте. Ну что ж, значит, так тому и быть».

Погружение

Первое апреля стало официальной датой начала работы новой управляющей команды, состоящей пока всего из трёх человек: Кости, Игоря Бузина и хорошего парня Коли Зуделкина. Для разгребания образовавшихся завалов срочно нужны были толковые люди. Прежде всего – финансовый директор и директор по строительству.

Финансового Игорь нашёл довольно быстро. Звали его Паша, пересекался он с Игорем в нескольких проектах, где Игорь пытался зарабатывать на жизнь после банкротства своей компании, а до этого довольно долго работал на сенатора Лисичкина в его куроводческой империи. Сельскохозяйственную практику Паша знал вполне прилично и вообще производил впечатление нормального, порядочного мужика.

Со строителем всё оказалось сложнее. Видимо, эта профессия, как и некоторые другие, врача психиатра например, накладывала на людей сильный отпечаток, вызывала так называемую профессиональную деформацию. Все известные Косте, Игорю и другим членам команды строители к моменту достижения профессиональной зрелости превращались в отвратительных, наглых, вороватых хамов, иметь дело с которыми не хотелось категорически, а без своего профессионального строителя победить зарвавшуюся банду, захватившую в хозяйстве стройплощадку, не представлялось возможным. Костя отчётливо понимал, что как только они прижмут жуликам хвост, их тут же попытаются коррумпировать или, попросту говоря, подкупить. Следовательно, на должность заместителя директора по строительству надо было найти мужика честного, твёрдого, не склонного к крысятничеству.

Чем больше и глубже Костя и его ребята вникали в сложившуюся в проекте ситуацию, тем тоскливее им становилось. Осколки прежней команды целиком состояли из хитрожопых жуликов, по большей части совершенно некомпетентных в том, чем они занимались. Эта вопиющая некомпетентность в совокупности с желанием поживиться, украсть или как минимум просто максимально продлить сроки получения своей высокой зарплаты превращала их деятельность в какой-то абсурдный балаган. Опереться было совершенно не на кого.

Офис для создаваемой управляющей компании арендовали в своём же рекламном агентстве. Это было удобно и выгодно всем с точки зрения совместного использования инфраструктуры и услуги, давно уже отлично отлаженной. Для морального комфорта и чтобы избежать подозрений в чрезмерной жадности, арендную плату Костя установил ниже существующей рыночной планки.

Прежде чем приниматься за разработку нового бизнес-плана, надо было разобраться с технологией содержания скота, предусмотренной проектом строящегося комплекса. Костя попросил разыскать и представить ему специалистов, которые разрабатывали технологическую часть проекта. Зуделкин привёл двух солидных дядек пенсионного возраста с лицами провинциальных коммунистических деятелей. В визитных карточках животноводов было безумное количество научных степеней, профессорских званий, а один из них даже оказался академиком какой-то академии неведомых наук. Профессор и Академик, как про себя назвал их Костя, вели себя наигранно-обиженно. Они, дескать, великие гении животноводческой науки, оказались непоняты и недооценены заказчиком, заплатившим им за компиляцию вырезок из зарубежных журналов, которую теоретики пытались выдать за первый том проекта, всего половину от оговорённых тридцати тысяч евро. Теперь, для продолжения разговора, они хотели получить ещё хотя бы тысяч пять. Костя не моргнув глазом попросил их выписать соответствующий счёт на безналичную оплату, а пока предложил разъяснить ему, дилетанту, некоторые особенности проекта и в целом этой самой технологии «холодного беспривязного содержания скота».

Общее описание технологии великие животноводы выдали весьма бойко – видимо, чтение зарубежных журналов и интернета не прошло даром. Оказалось, что в отличие от тради-

ционной нашей, она вовсе не предусматривала ни выпасов на зелёной травке, ни привязывания на зиму коров цепями к стойлу, а предполагала их постоянное круглогодичное проживание в неотапливаемом и хорошо вентилируемом помещении. Перемещение по коровнику было совершенно свободным. Коровы прекрасно самоорганизовывались, сами ходили жрать, пить, чесать спинку и доиться в доильный зал. Рацион кормления был круглый год приблизительно одинаковым, лишь слегка корректировался в зависимости от температуры окружающей среды. Таким образом, равномерно распределяя осеменения и растёлы и используя это самое «монокормление», можно было избежать обычной для старой технологии сезонности. Комплекс должен был круглый год ежедневно выдавать одинаковое количество молока высшего качества, что особо ценили покупатели – производители молочных продуктов.

С описательной частью животноводы справились вполне прилично, а вот когда пошло обсуждение конкретных вопросов, стало грустно. Ни на один вопрос Костя внятного ответа не получил. Ни о схемах движения стада, ни о графиках прироста молодняка для замещения выбракованных животных, ни о потребных объёмах хранилищ для кормов, ни о конструктивных особенностях стойломест, поилок, систем навозоудаления, резиновых коврикков либо иных видов подстилки, на которых коровы должны лежать, Профессор и Академик ничего внятного сказать не смогли.

Больше всего Костю интересовало полное отсутствие в проекте помещений для так называемого шлейфа, то есть для рождающихся телят, которых надо было дальше растить до репродуктивного возраста, потом осеменить и после растёла заменять ими выбракованных дойных коров. Неужели господа учёные животноводы собирались всех новорождённых тёлочек душить, а ремонт стада производить, постоянно докупая молодых осеменённых нетелей за границей? Это было бы совершенно неразумно с точки зрения экономки процесса. Учёные в ответ сопели, пыхтели и невразумительно бубнили, что они, мол, говорили, но их, мол, не слышали. Кому говорили и кто не слышал, было непонятно. Костя понял – жулики. Наглые, непрофессиональные, с ярко выраженным партийно-академическим прошлым. Технологию не знают, в лучшем случае видели один раз, случайно прорвавшись в заграничную командировку с сотрудниками Минсельхоза или академии сельхознаук. Этих надо гнать, толку от них никакого. А где взять других?

Напустив на себя угрожающую мрачность, Костя быстренько разъяснил животноводам, что благодаря их кастрированному проекту инвестора втянули в процесс, развели на большие деньги и теперь надо бы повесить их на их собственных кишках, но сначала выбить из них пятнадцать тысяч евро, которые они уже получили. Однако, поскольку он большой гуманист, добряк и человеколюб, пускай столпы животноводческой науки быстренько подписывают акт об отсутствии претензий, закрытии договора и катятся к чёртовой матери. Мигом вспотевшие учёные всё подписали и исчезли. Костя, скорбно матерясь, поставил команде задачу по поиску новых, нормальных технологов.

С проектировщиками и строителями дело обстояло не лучше. Возглавлял эту строительную банду лихой мужик с боевым афганским прошлым по фамилии Косоротов, который оказался единоличным хозяином проектной конторы, фирмы, осуществлявшей функции заказчика-застройщика, и фирмы генерального подрядчика. Роль главного проектировщика при нём исполнял хитроватый человек по фамилии Лабудзинский, на лбу которого буквально горела надпись: «За рубль Родину продам!»

Паша с Игорем в течение двух недель разобрались со сметами и уже выплаченными авансами и с изумлением выяснили, что нытьё строителей по поводу недофинансирования – наглый блеф. На самом деле авансов они получили на полмиллиона долларов больше, чем выполнили работ. Кроме того, расценки на работы и материалы оказались значительно завышены.

Когда Костя душевно пообщался с разными подчинёнными Косоротова, выяснилось, что денег, скорее всего, действительно не осталось, ибо ветеран-афганец, получив авансы, купил

себе хорошую большую квартиру в столице, огромный чёрный джип и новую молодую любовницу. Было очевидно, что этих строителей надо гнать и искать других, но сначала нужно было заставить их отработать полученные авансы: папаротовских денег было жалко.

Началась долгая, нервная, тягостная борьба. Костя упорно добивался, чтобы строители отработали уже полученное, причём по вменяемым, а не по завышенным расценкам, а Косоротов упрямо вымогал ещё денег, шантажируя тем, что без новых авансов он не сможет отработать старые. Переговорщиком строитель оказался матёрым, наглость и упрямство превосходили все разумные пределы. Спасала только поддержка Игоря: Косоротов бился один, а Костя с Игорем вдвоём.

Несколько раз строителю удавалось доводить Костю буквально до кипения; если бы не спокойствие и рассудительность Игоря, точно дошло бы до драки. Один из таких случаев произошёл в середине лета. На стройплощадке были назначены очередные решающие переговоры, к которым тщательно готовили аргументы и документы. Какова же была Костина ярость, когда, проехав от столицы до хозяйства триста семьдесят километров, они обнаружили Косорова с каким-то незнакомым мужиком совершенно пьяными, а вместо переговоров получили предложение продолжить веселье вместе.

Слава богу, к июлю наконец удалось найти приличного человека на должность директора по строительству. Это был отставной военный строитель подполковник Владимир Васильевич Сергиян, человек очень твёрдый и высокопрофессиональный. С его появлением процесс удавления Косорова пошёл куда веселее, лихой строитель всё-таки согласился отработать полученные авансы, правда, при условии выделения дополнительного финансирования, но строго на покупку строительных материалов и строго под неусыпным контролем бдительного Сергияна.

Само сельхозпредприятие тоже отнимало кучу времени и нервов. Шманьков и его подчинённые агрикультурные придурки и жулики старательно врали, пытаясь скрыть от Костиной команды всё, что только можно было скрыть. Их главными целями было как можно меньше работать и при этом хоть что-нибудь украсть. Заменить их пока было, к сожалению, некем. Кругом царило тотальное вырождение и деградация, все более-менее активные люди давно перебрались жить в города, в доступности остались только ленивые идиоты и вороватая пьянь. Чтобы хоть как-то заставить эту публику шевелиться, Костя взял за правило выезжать в хозяйство еженедельно дня на два, на три. Приезжая в хозяйство, проводил планёрки со всеми специалистами, разъяснял цели, ставил задачи, пытался контролировать исполнение, лез во все щели.

Новый финансовый директор Паша ввёл жестокую бюджетную дисциплину. Без согласования с управляющей компанией не мог пройти ни один платёж, ни одна копейка. Игорь вместе с Костей воевал со строителями и гонял колхозников, при этом рожая в муках новый бизнес-план, варианты которого Паша судорожно обсчитывал.

Чтобы прекратить утомительную практику ночёвок в гостиницах областного центра, на скорую руку, силами каких-то местных шабашников, отремонтировали трёхкомнатную квартиру в одном из двух многоквартирных домов барачного типа в центре посёлка. После появления в команде подполковника Сергияна купили в посёлке старенький частный домик с садиком и начали его реконструкцию под себя, чтобы был душ, тёплый сортир, кухня и нужное количество спален.

Для покатушек в хозяйство Костя на деньги управляющей компании купил недорогой, но достаточно комфортный корейский минивэн с тремя рядами сидений, мягкой подвеской и неожиданно резвым дизельным мотором.

Жизнь потихоньку входила в колею. Система выстраивалась, процессы налаживались. Прошла посевная, началась уборочная. Костя упрямо продолжал мотаться в хозяйство каждую неделю. Игорь и Паша ездили с ним по очереди. Сергиян, душитель Косорова, жил в хозяй-

стве постоянно, появляясь в столице не чаще одного раза в месяц. Точнее сказать, жил он не в хозяйстве, а на стройплощадке.

Хороший парень Коля Зуделкин выполнял разные мелкие Костины поручения, но по большей части, пользуясь положением приятеля Папарота и его доверенного лица, ничего не делал, вызывая своей радостной улыбочкой и патологическим любопытством раздражение всех членов команды.

Найти в стране путных консультантов по животноводству так и не удалось. Точнее, удалось одного, но у него было своё довольно большое хозяйство в двадцати километрах от столицы, масса забот и никакого желания связываться с Костиным проектом. Спасибо, что согласился по-доброму поделиться своими связями по покупке племенного поголовья, семенного материала – замороженной бычьей спермы и прочих важных вещей, от качества которых напрямую зависел успех дела.

Консультантами в итоге наняли очень приличную немецкую фирму, услуги которой были недёшевы, но это всё равно было выгоднее, чем позволять соотечественникам закапывать деньги в землю. Консультировали немцы и по животноводству, и по растениеводству. Особенно ценно было то, что приезжали от них не только учёные умники, но и настоящие практики – живые немецкие фермеры.

Хождение по дну

Заставить крестьян выполнять указания консультантов оказалось невероятно трудно. Даже Костя и его команда, ничего не понимая в сельском хозяйстве, слушали удивительно подробные, логичные и понятные пояснения немецких специалистов и понимали их абсолютную правоту. Но не крестьяне, которые, пряча глаза и бубня себе под нос что-то про Сталинград и Курскую дугу, старательно саботировали всё, что не соответствовало их представлениям. Заставить их выполнять указания немцев удавалось только матерными воплями, угрозами увольнения и стоянием над душой в процессе работы. Если над душой никто не стоял, крестьяне делали всё по-своему. На гневный Костин вопрос: «Почему не сделали, как немец сказал?» обычно следовал поражающий своей тупостью ответ: «У нас так не делают!»

Костя, сделавшийся несколько нервным от перманентной борьбы с дураками и жуликами, стал частенько срывать и орать:

– У вас, обезьяны безмозглые, за семнадцать центнеров с гектара ордена давали, а у них фермерам за семьдесят центнеров с гектара стыдно! Засуньте свою самость себе в жопу и делайте, что вам умные люди говорят!

Крестьяне слушали Костины вопли философски, думали про себя: «Блажишь, барин! Ну поори, поори, мы и не такое слышали. Ты, барин, покричишь да уедешь, а мы всё равно по-своему сделаем».

Почётное место главарей антинемецкого заговора радостно заняли директор Шманьков и его приятель главный агроном Вениаминыч. Костю буквально изводило непонимание их логики. Казалось бы – старайтесь, делайте, что вам умные люди говорят, вам же выгодно! Если хозяйство станет экономически успешным, будете при работе, при зарплате, при премиях до конца жизни, если сможете научиться чему-нибудь у немцев – ваша ценность как специалистов сильно вырастет. Так совершенствуйтесь же, придурки! Но нет, в ответ только тупое сопение и судорожные попытки воровства и саботажа.

В очередной приезд Володя Сергиян, посмеиваясь, рассказал, что обычно после того как Костя уезжает в столицу, жизнь в хозяйстве замирает полностью, все всё бросают и расползаются по щелям. Единственное, что происходит, – это поспешные отгрузки налево, за наличные, зерна, сена, соломы и металлолома. За день до Костиного приезда все просыпаются и начинают судорожно заметать следы, а уж в день приезда начинается работа. Так дальше жить было нельзя, надо было срочно разгонять эту деревенскую шайку-лейку, ставить на место директора нового человека, желательно какого-нибудь отставного офицера с чёткими понятиями о порядке и дисциплине и с мозгами, не сломанными отечественной сельскохозяйственной практикой.

Параллельно всему своим чередом шла борьба с ГосАгроБанком за получение кредитных денег. Руководитель соколовского отделения Толя Капитанов был человеком хорошо образованным и очень приятным в общении. Как-никак кандидат исторических наук. Всякий раз, когда Костя с Пашей приезжали в его солидный офис в центре города, Толя искренне радовался, поил их зелёным чаем и обещал буквально всё и буквально завтра. Было видно, что общение с двумя столичными жителями доставляет Капитанову большое удовольствие. Костя каждый раз выходил от него с уверенностью, что теперь-то наконец всё стронется с мёртвой точки. Уж больно искренне Толя хотел помочь осуществлению хорошего дела, уж больно радел он за хороших ребят и за реализацию нацпроекта.

Потом опять выяснялось, что в документах не хватает парочки запятых, или истёк срок действия какой-нибудь справочки, или пора предоставить свежий бухгалтерский баланс поручителя, или Юпитер не встал насупротив Сатурна, и поэтому денег ГосАгроБанк дать никак не может. И вовсе не потому что денег нет. Деньги есть, и дать их милый Толя Капитанов

ну очень, очень хочет, но инструкция Центробанка не позволяет. Вот как только дооформите документы, обновите балансы и справки, поставите Юпитер относительно Сатурна в правильную позицию, так сразу всё и получите.

Костя в какой-то момент предложил Капитанову откат в два процента от суммы кредита, Толя очень обрадовался и согласился, но дело с мёртвой точки так и не сдвинулось. Ясность наступила в случайном разговоре с одним из чиновников областной администрации, куда Костя периодически обращался за помощью для ускорения решения всяких вопросов по оформлению покупаемой земли и за защитой от рыщущих в поисках поживы шакалов из всяких госсельхознадзоров, ветеринарных инспекций, природозащитных прокуратур и прочей государевой сволочи.

Чиновник хитро взглянул на Костю и ехидно сказал:

– Ну вы ж у нас уникальные!

– В каком смысле? – удивился Костя.

– А вы у нас единственная в области фирма, в которой у губернатора, любимого нашего Егора Сергеевича, и у членов его семейства нет доли, интересу нет, так сказать.

Приблизительно в это же время Костя получил информацию о том, что весь лимит кредитных средств, выделенных центром соколовскому ГосАгроБанку, давно расписан по подбрюшным фирмам губернатора. И мало того, весь лимит следующего года уже расписан таким же образом. Выходило, что милейший Толя Капитанов просто морочил Косте голову. Было очень жалко потраченного времени и куч исписанной бумаги.

Позлившись и успокоившись, Костя переориентировал Пашу на крупные столичные банки, тоже участвующие в программе кредитования по нацпроекту, тихо надеясь, что туда жадные лапы Удава-губернатора не дотянулись.

С Папаротом встречались редко, не чаще одного раза в три месяца. Андрюша был сильно занят руководством Государственной сетевой компанией, во время встреч сетовал на перегрузку, мечтательно обещал как-нибудь выбраться в хозяйство и обязательно выпить там с Костей водки на берегу пруда. В дела особо не вникал, денег выделял столько, сколько потребно.

Было очевидно, что в его системе приоритетов сельхозпроект стоял где-то в самом конце списка и что Косте он доверял полностью. Это доверие и сформировало окончательное отношение Кости к проекту как к своему личному, к давнему человеческому уважению и симпатии прибавилось чувство благодарности. Люди, обманывающие и обкрадывающие Папарота, превратились в личных врагов, война за спасение хозяйства превратилась в личную войну.

Светка, видя, как Костя всё больше и больше эмоционально втягивается в процесс, как он вкладывает в дело всё больше нервов и души, попыталась его немного успокоить и урезонить. Мол, не надо, любимый, так нервничать, это не твоё хозяйство, это не тебя развели и обобрали, постарайся просто делать свою работу честно, но спокойно, с холодным сердцем. Но Костя уже вошёл в пике и ничего не слышал. Он воевал, ходил в лобовые атаки, совершал лихие рейды по тылам противника, вёл хитрую разведывательную и контрразведывательную работу, мало спал, много ездил, жрал как придётся, бился за каждую папаротовскую копейку. Одним словом, горел на работе.

Светка, понимая, что муж всегда был таким, что и прежде любой проект поглощал его с головой, плюнула и взялась Косте помогать. Прежде всего наладила нормальный быт для членов команды во время выездов в хозяйство. Костя, пользуясь тем, что Светка стала ездить с ним практически постоянно, спихнул на неё ведение так называемой чёрной кассы – наличных денег, не учитываемых бухгалтерией, без которых оперативное ведение бизнеса было невозможно. Это было очень удобно. Светку не надо было проверять и контролировать, да и условия проживания в поездках резко улучшились.

Где-то в середине лета, ближе к концу июля, во время очередной встречи Папарот навесил на Костю ещё две задачи, два полноценных и довольно сложных проекта. Первый – проект переработки будущего молока в некий конечный продукт, который ещё предстояло выбрать, изучив рынок и возможности реализации. Андрюша мечтал таким образом иметь у себя полный цикл производства: растениеводство и заготовка кормов, потом через коровок переработка их в молоко, а потом переработка молока в конечный продукт и продажа его оптовым и розничным сетям. Дело было очень непростое, требовало тщательного изучения рынка молочных продуктов и каналов их реализации. Требовалась разработка самостоятельного бизнес-плана с нуля, то есть отдельный самостоятельный проект, связанный с существующим хозяйством и строящимся молочным комплексом только планируемыми объёмами перерабатываемого сырья и общей территорией.

Вторым дополнительным геморроем, изящно сброшенным Андрюшей на Костину команду, стало строительство его личной усадьбы за конезаводом на берегу пруда. Когда Андрюша озвучивал Косте эту задачу, звучала она как просьба о строительстве некоей дачки, рыбацкого домика, куда Андрей сможет приехать пару раз в год с друзьями, половить рыбки и выпить водки. Велико же было Костино изумление, когда он увидел проект. Дачка оказалась огромной усадьбой, включающей несколько строительных объектов и по размерам больше похожей не на рыбацкий домик, а на профсоюзный дом отдыха советских времён. Ситуация отягощалась тем, что из коммуникаций по берегу пруда, где Андрей хотел построить усадьбу, проходила только линия электропередач, то есть надо было бурить скважину на воду, а дорогу и газ тянуть больше двух километров.

Проектировали это великолепии придворные архитекторы-дизайнеры Андрюшиной жены. Эти милые творцы довольно ловко насобачились ей манипулировать и до такой степени заливали мадам Папарот задницу, что её, бедную, сильно пучило сознание собственного величия и она совершенно не пыталась хоть как-то адекватно оценивать расходы. В результате архитекторы бессовестно драли с Папаротов три шкуры и ко всем прочим участникам процесса относились демонстративно снисходительно-пренебрежительно. Для Кости и Володи Серги-яна, взявших за правило экономить Андрюшины деньги, добиваясь максимального качества по разумной цене, всё это означало появление ещё одной линии фронта, ещё одной геморроидальной шишки, причём без дополнительной оплаты их труда.

К обсуждению системы мотивации Кости и его команды Андрей приступить так и не дал. То ему было некогда, то он торопился, то ему казалось, что Костя ещё недостаточно разобрался в ситуации. Разговор о Костином интересе всё время откладывался на неопределённое время, и Костя, как и вся его команда, сидел на голой, правда довольно высокой, зарплате. Старые товарищи по бизнесу, которым Костя описывал ситуацию, говорили прямо:

– Костя, ты дурак, Папарот хитрит, обманывает тебя. Сейчас ты порвёшь себе жопу на немецкий крест, всё ему построишь и наладишь, а он при расставании пожмёт тебе руку и скажет спасибо. Или, наоборот, докопается до чего-нибудь, устроит блатную истерику и выпрет со скандалом, чтобы денег не платить.

Костя в такую подлость Папарота верить не хотел, считал его мужиком порядочным, думал: надо просто честно и с полной отдачей делать свою работу, и Андрюша оценит. Требовать сейчас себе каких-то бонусов было неловко, Папарот и так попал на очень большие деньги, вляпавшись в этот сельхозпроект, его было по-человечески жалко.

Эта Костина позиция и стала яблоком раздора между ним и Игорем Бузиным. Игорь категорически требовал срочно документально оформить с Папаротом свою и Костину систему мотивации, желая на этапе строительства и запуска получать кроме зарплаты фиксированную премию, а после вывода хозяйства на прибыль процентов двадцать – двадцать пять от так называемой ебитды, то есть прибыли без учёта затрат на налоги и обслуживание заёмных средств. Косте такие требования казались слишком нахальными и жадными, он искренне считал, что

Папарот должен сам оценить их добросовестный труд и предложить систему мотивации. Требовать сейчас денег у и так обворованного кругом Андрюши язык не поворачивался. В конце концов и от Игоря прозвучало:

– Дурак ты, и подход у тебя абсолютно детский, небизнесовый, Папарот в итоге нас использует и просто вышвырнет.

Появление в работе нового проекта по переработке молока в некий конечный продукт естественным образом потребовало дополнительного человеческого ресурса. Костя решил привлечь к этому делу Серёгу Панасюка, исполнявшего функцию Костиного зама, точнее правой руки, уже много лет: сначала в рекламном агентстве, потом в корпорации у Хорька, куда он пришёл сразу вслед за Костей.

Панасюку было уже за пятьдесят, за свою трудовую жизнь он успел окончить авиационный институт, поработать в разных общественно-политических журналах, отстажироваться в одном из заокеанских университетов, помыкаться в качестве главного редактора разных изданий, потрудиться генеральным директором довольно известного рекламного агентства и в конце концов прибиться к Косте в качестве верного зама. Прежде всего Костя ценил в Серёге его великолепные аналитические способности. Объясняя окружающим успешность их тандема, он обычно несколько кокетливо шутил:

– Вот Сергей Борисович – он у нас умный, а я просто решительный.

Шутка людям нравилась.

Теперь Панасюку предстояло проанализировать отечественный рынок молочных продуктов и найти какую-нибудь нишу, предполагающую относительно небольшие объёмы производства, высокую маржинальность и стабильную востребованность. Брендинг и выведение продукта на рынок были Серёгиным коньком, а с остальным с помощью Бузина, Кости и собственной аналитической башки разберётся, в этом сомнений не было.

В хозяйстве тем временем всё шло своим чередом, механизаторы под управлением агронома Вениаминыча приступили к уборке зерновых. В целом «битва за урожай» началась ещё раньше, с сенокоса, и шла яростно, но безуспешно. Сено в тюки запрессовали сыроватое, было большое опасение, что может сгнить. Шманьков с агрономом, правда, били себя в грудь и голосили, что всё отлично, но крестьяне тихо ябедничали, что вовсе нет.

После того как Костя пресёк попытки под шум уборочной обеспечить всех окрестных фермеров дешёвой соляжкой за счёт Папарота, Шманьков как-то сник, потерял интерес к работе. Блеск в его глазёнках появился только вместе с появлением зерна нового урожая. Тут они с агроном продемонстрировали всё, на что были способны, и, несмотря на все старания Кости, Игоря и всей службы охраны, умудрились-таки при участии в воровской схеме директора соколовского элеватора украсть около трети убранного зерна. Однако даже несмотря на воровство результат уборки был неплохой – урожайность оказалась выше, чем в среднем по области, а благодаря жестокому контролю над расходами и себестоимость оказалась чуть ниже, чем продажная цена.

Прибавив к полученным результатам приблизительные объёмы украденного и помножив их на приобретённый опыт, Костя испытал даже некоторый прилив оптимизма, пожалуй первый раз с начала работы в проекте. Получалось, что в будущем, исправив ошибки этого года, вполне можно будет добиться действительно неплохих финансовых результатов. То есть миф о патологической убыточности сельского хозяйства оказался именно мифом. Если работать с умом и настойчивостью, и здесь можно было денег заработать.

Строительство комплекса тоже, слава богу, удалось сдвинуть с мёртвой точки. Опереточный мерзавец Косоротов осознал, что Костю ему не сломать, и взялся наконец-то достраивать начатые объекты нормальными темпами и за разумные деньги. Сергиян вился над ним коршуном, строго контролируя объёмы и цены на материалы. Служба охраны зорко следила за количеством рабочих на стройплощадках и за каждым их шагом. Несколько гастарбайте-

ров не то узбекского, не то таджикского происхождения пришлось уволить и выслать на родину за употребление и распространение наркотиков.

Косоротов, пытаясь заслужить Костино расположение, раскрыл все воровские схемы старой команды, заложенные в смету строительства. Выяснилось, что при участии хорошего парня Коли Зуделкина, а точнее по его прямому требованию, в цену строительства было заложено около шестисот тысяч долларов откатов. Около трёхсот тысяч Коля уже успел получить и теперь судорожно пытался выдать из Косоротова вторую половину. Поскольку к войне со строителями Костя Зуделкина не допускал, Коле оставалось только названивать Косоротову и нудить:

– Ты не вздумай меня кинуть. Ты должен понимать: меня из проекта не уберут. Я тут смотрящий. Я доверенное лицо Папарота. Никуда тебе от меня не деться.

По Костиным представлениям о жизни, мерзость была вопиющая. Полагая, что единственная нормальная форма общения с воришками – гнать взащей, Костя пошёл с этой информацией к Андрюшиной правой руке Овечкину. Володя, с которым у Кости установились отличные уважительные отношения, понял всё с полуслова, но отреагировал странно: вдруг испугался и, подумав минуту, попросил Костю самого доложить всё Папароту. Встреча с вечно занятым Андрюшей в ближайшее время не планировалась, поэтому решили волну не гнать, а подождать плановой аудиенции.

Вернувшись от Овечкина, Костя собрал доверенную часть команды, объяснил ситуацию и категорически потребовал не допускать Зуделкина ни к каким финансовым вопросам, а кроме того – придумать, как крысу использовать, чтобы зарплату отработывала и вреда не наносила. Решение нашлось быстро: Колю приспособили заниматься различными околоюридическими вопросами, дооформлять права собственности на уже приобретённое Папаротом имущество и контролировать процесс оформления прикупаемой вокруг хозяйства земли. Заодно радостно спихнули на него всякие мелкие дела, не имеющие отношения к бизнесу, а скорее относящиеся к исполнению папаротовских прихотей типа зарыбления пруда разными карпами, сомами и прочими толстолобиками и надзора за функционированием конезавода, но исключительно только надзора.

В хозяйстве тем временем начался последний этап уборочной – заготовка кукурузного силоса. По рекомендации немецких консультантов успели купить два шикарных кормоуборочных комбайна, которые делали всё: косили, рубили, плющили массу и замешивали её с консервантом. Вот с консервантом-то и обгадились.

Агроном Вениаминыч по ошибке закупил не химический консервант, а биологический, который при разбавлении водой в неправильной пропорции превратился в желе и намертво забил форсунки, через которые должен был поступать в барабан комбайна для смешивания с нарубленной массой. Форсунки чистить не стали, от Кости это всё скрыли. Чтобы силос не сгнил сразу, на силосную кучу загнали полупьяного крестьянина с ведром разведённого консерванта, который, шатаясь и распевая народные песни, бродил по корму в резиновых сапогах и поплёскивал консервантом из ведра в разные стороны. Слава богу, немец-консультант к этому времени уже из хозяйства уехал и не был свидетелем этого праздника нашей самобытности. Когда Костя увидел вышеописанную картину и дознался о причинах происходящего, из него буквально пошла пена, но было поздно.

Следующим актом позора стала уборка сахарной свёклы, которая была самой любимой культурой Шманькова. Видимо, у него с директором соколовского сахарного завода была отлажена воровская схема, аналогичная схеме воровства при отгрузке зерна на элеватор. Ещё до прихода Костиной команды он через Зуделкина убедил Папарота, что выгоднее выращивание сахарной свёклы только торговля наркотиками, оружием и шлюхами. В результате поля подготовили с осени, закупили семена, внесли удобрения и посеяли.

Костя с Игорем, придя в проект, посчитали экономику и поняли, что по сахарной свёкле порог рентабельности преодолевается при урожайности в двести пятьдесят тонн с гектара. Шманьков с агрономом Вениаминычем, не приходя в сознание, всё лето били себя в грудь и орали, что урожай будет никак не меньше трёхсот, в результате собрали двести. Когда урожайность выяснилась, Шманьков, сообразив, что чаша его подвигов переполнилась, решил отвести от себя удар и публично объявил агронома идиотом. Не помогло, было уже поздно.

Больше всего в шманьковской деятельности изумляло не его рутинное воровство, а количество денег, потерянных по банальной бесхозяйственности. По всем прикидкам получалось, что теряет и разбазаривает он в несколько раз больше, чем крадёт. Ущерб, наносимый его деятельностью, просто не позволял терпеть его дальше, но замену пока найти не удавалось.

Костя закинул удочки везде, где только можно: и в областной администрации, и в районной, и среди друзей и знакомых, и на сайтах кадровых агентств, – толку не было. Единственной призрачной надеждой был старый камчатский сослуживец Сергияна, отставной начальник ракетного полигона, военный пенсионер полковник Смирнюк, который, получив соответствующее предложение, пока молчал, думал.

На ближайшей расширенной планёрке подводили итоги полевой кампании. Шманьковские подпевалы по очереди, пряча глаза, врали, что на самом деле всё не плохо, а местами даже хорошо, что сено затюковали вполне сухое, что силос консервантом обработали хорошо, даже лучше, чем в немецком комбайне, а за урожай зерновых им вообще всем надо грамоты раздать и всех на доску почёта повесить. А если, мол, и были в работе отдельные упущения, так в этом виновата погода, Господь Бог и особенные агротехнологические бесы, которые вечно путают бедного крестьянина.

Костя молча слушал, попивал чаёк, покуривал сигаретку и параллельно вспоминал, как оно всё было на самом деле. Когда в мозгу всплыл образ полупьяной обезьяны с ведром консерванта на силосной траншее, его прорвало.

Первым был уволен агроном, следом главный инженер. Потом Костя долго разъяснял оставшимся, что такое план-фактный анализ, он же разбор полётов, или работа над ошибками, в тысячный раз говорил про цели и задачи, рисовал образы светлого будущего, которое обязательно настанет практически сразу после того, как уважаемые крестьяне прекратят массово маяться дурью и начнут нормально работать. Крестьяне сопели, делали вид, что слушают.

Под конец, изрядно утомившись, заметил в углу тихо улыбавшегося чему-то своему директора конезавода старика Бухвостина, который был великим коневодом, но не просто специалистом по племенному разведению: он был учёным. Когда-то предметом его научной деятельности было влияние радиации на организм лошади. С группой таких же бездельников он по заказу Министерства обороны облучал подопытных лошадей радиацией, потом умерщвлял их, вскрывал и смотрел, как же эта радиация влияет на их внутренние органы. Конной тяги в армии давно уже не осталось совсем, но заказ на эти исследования Научно-исследовательскому институту коневодства почему то не отменили вплоть до самого развала коммунистического режима. Как потом этому вивисектору удалось переквалифицироваться в коневоды, история умалчивала.

Ворюгой Бухвостин был первостатейным, от Шманькова его отличала только манера поведения. Шманьков всё время, непрерывно что-то говорил, причём в основном врал, а Бухвостин всё время молчал, даже на прямые вопросы не отвечал, только мечтательно улыбался и хлопал глазами. Костя оценил по достоинству его твёрдость, когда пытался выяснить точное поголовье имеющихся на конезаводе лошадей. Продолжались эти попытки месяца три, в ответ на каждое требование немедленно пересчитать лошадей Бухвостин молча кивал, задумчиво глядя куда-то вдаль, и улыбался. В конце концов Костя плюнул и поручил пересчитать поголовье начальнику службы охраны, который справился за один вечер, когда лоша-

дей из левад развели по конюшням. Выяснилось, что по документам лошадок должно быть несколько больше, чем имелось реально в наличии.

Объявив о немедленном увольнении тихого и задумчивого старика Бухвостина, Костя закончил карательные мероприятия и перешёл к проповеди: ещё раз объяснил крестьянам про план-фактный анализ, про то, что не научившись анализировать свои ошибки, от них не избавишься, что если не беречь деньги инвестора, хозяйство никогда не станет прибыльным, а вечно убыточное хозяйство инвестору рано или поздно надоеет и он его прикроет или продаст, если сможет. Но тогда все они останутся без работы и без зарплаты, так как другой работы в округе нет и не предвидится. Крестьяне молчали, сопели, слушали.

Закончив планёрку и отпустив напуганный персонал, поехал в реконструированный дом, который теперь называли «дом управляющей компании», поужинал, попил чайку, переоделся в дорожное и выехал в столицу.

В этот приезд Костя сам за руль не сел, ехал с водителем, что позволяло максимально продуктивно использовать время пребывания в хозяйстве, работать до упора, не оставляя запас сил на дорогу домой. Развалившись на мягком кожаном сиденье минивэна, прикрыв глаза, прокручивал в голове результаты поездки. Получалось неплохо, неделя прошла довольно продуктивно. Огорчало только вязкое, тупое упорство местного населения, которое полностью сломить пока не удавалось. Было полное ощущение, что управляющая команда на аркане тащит крестьян в светлое завтра, а они задыхаются, хрипят, но яростно упираются всеми четырьмя конечностями.

Несколько добавил грусти отсмотренный за чаем перед выездом телерепортаж, в котором журналист радостно-торжественно стрекотал про то, как наш президент и правительство сильно озаботились повышением рождаемости, как они волнуются по поводу сокращения населения, как они сильно хотят, чтобы населения стало больше. Так хотят, что даже станут выплачивать какие-то деньги родителям, родившим второго ребёнка. То есть живых денег давать, конечно, не будут, чтобы родители их сразу не пропили, а заплатят лет через несколько при улучшении семьёй жилищных условий или при оплате образования новорождённого.

Весь этот бред вызывал глухое раздражение: Костя был глубоко убеждён, что население страны, как, впрочем, и всей планеты, надо было систематически и последовательно сокращать. Развитие научно-технического прогресса однозначно снижало необходимость увеличения поголовья населения. Если раньше много людей было нужно для войн, то теперь для их предотвращения достаточно было нескольких боевых расчётов ракетных установок. Если раньше для копания канавы надо было сто человек с лопатами и тачками, то теперь их с успехом заменял один небольшой экскаватор. То же происходило и в прочих видах человеческой деятельности. Огромные толпы людей постепенно заменялись всё более производительными машинами.

При социализме в хозяйстве работало человек пятьсот, одних агрономов было штук семь. Когда Костя принял дела, в хозяйстве числилось сто семьдесят человек. За первые три месяца персонал легко сократили до ста двадцати работников, и теперь он всерьёз подумывал о дальнейшем сокращении человек до ста.

Ну ладно, пусть пример других стран нам не указ, пусть нас трудно сравнивать, хотя сравнить было с чем. Схожая с нами по климату и вторая по территории страна мира Канада была населена в пять раз меньше, чем наша, а экономику и жизненный уровень имела многократно более высокие.

Непонимание смысла заботы власти об увеличении населения вызывало раздражение. Мы что, и вправду намереваемся заселить территории, реально непригодные для проживания? А зачем? Народ ведь на самом деле ничего не может, а главное – не хочет. Так называемое сырьевое проклятие нас вполне устраивает, страна по большому счёту фактически ничего не производит. Продаём помаленьку сырьё за границу, а часть вырученных денег пра-

вящая элита раздает населению, всем по чуть-чуть, чтоб не бунтовали. И всех всё устраивает. Элита богатеет, народец вырождается. А может, оно и хорошо, что вырождается. Если посмотреть на него внимательно и вспомнить науку генетику – продажную девку мирового империализма, – неприятная получается картинка.

Восемьдесят лет назад в стране начали проводить чудовищные эксперименты. Сначала, играя на самых низменных инстинктах, ленивым и бедным разрешили грабить богатых и трудолюбивых. Интеллектуальную и духовную элиту буквально пинками выгоняли из страны, изрядно обогащая тем самым культуру и науку других государств. Тех, кто особенно любил родину и уезжать не захотел, поубивали в Гражданскую войну или уморили военным коммунизмом.

Покончив с элитой, взялись за народ, назвали это индустриализацией и раскулачиванием в процессе коллективизации. Самых трудолюбивых и порядочных крестьян грабили, отбирали всё и ссылали на каторжный труд и верную гибель в северные и восточные регионы. Заодно вычистили и прочие социально чуждые элементы – торговцев, служащих и остатки интеллигенции.

Когда покончили с социально чуждыми, взялись за своих социально близких; начались годы великих репрессий, в ходе которых расстреляли и уморили в лагерях миллионы маломальски приличных людей, включая и наиболее толковых и энергичных собственных выдвиженцев. Потом грянула Великая война, убивавшая всех без разбора, и унесла ещё десятки миллионов людей, но вождям клана коммунистов-людоедов и этого оказалось мало. После войны поднялась новая волна репрессий.

Это безумное людоедство продолжалось до тех пор, пока не сдох главный коммунистический царь – усатый людоед, – то есть без перерыва целых тридцать шесть лет. Успехов достигли колоссальных. Население сильно сократилось и оступело, страна превратилась в царство тотального страха и лжи.

Преемники усатого людей жрать перестали, миллионами не убивали, нужды в этом уже не было. Те, кто выжил в первой половине века, и так сидели тихо, не вякали, старались соблюдать установленные правила. Начались сорок с лишним лет душевной, вязкой жизни, которую кто-то метко назвал застоём. Основную массу населения уже составляли генетические уроды, потомки ленивых бездельников, воров и убийц, а также садистов-вертухаев и прочих преданных прислужников власти.

Когда коммунистический режим наконец зашатался, в основном из-за своей абсолютной экономической неэффективности, открыли границы, убрали так называемый железный занавес, отделявший нашу страну от остального мира, и остатки случайно уцелевших генетически нормальных, активных людей тут же хлынули вон из страны пополнять собою население других стран, с нормальной системой ценностей и менее кровавой историей. В результате всех этих процессов в стране сформировалось устойчивое большинство, никакого оптимизма не внушавшее.

Сам Костя относил себя к тем самым случайно уцелевшим остаткам. Из четверых его прадедов своей смертью не умер никто. Один был православным священником, детей у него было то ли десять, то ли одиннадцать. Его расстреляли лет за пять до Великой войны. Второго раскулачили, выслали с семьёй ближе к Полярному кругу и там уморили. Двое других, оба торговцы, сгинули на лесоповале где-то в северной тайге. Слава богу, хоть потомство успели оставить.

Дедам тоже досталось. Первый, сын раскулаченного, бежал с места поселения и всю жизнь прожил под чужой фамилией, добыв себе липовую справку сельсовета. Паспортов тогда не было, дед под чужой фамилией провоевал всю войну и умудрился вырастить троих детей. Второй, сын священника, выучился на агронома, женился, сделал двоих сыновей. Когда его арестовали, судили и отправили отбывать срок в один из северных лагерей, Костиному отцу

было меньше года. Семью сразу после ареста деда вышвырнули из дома на улицу. Из имущества, не считая детей, бабка смогла увезти только то, что поместилось в одну телегу. Потом были война, голод, эвакуация и воссоединение с дедом, который чудом выжил, оттрубив в северных лагерях все свои восемь лет срока.

Как ни крути, получалось, что Кости на свете не должно было быть, что только благодаря случайности или Божьей воле деда, бежавшего с места поселения, не расстреляли, как его старшего брата, и он смог зачать Костину маму, а грудной отец, которого старший брат кормил толчёной картошкой, завёрнутой в тряпочку, не помер от голода и болезней.

Потом его родители встретились в столичном горном институте, куда отец поступил вовсе не потому, что хотел стать горным инженером, а потому, что в военно-морскую академию, о которой он мечтал, его как сына врага народа не приняли, даже до вступительных экзаменов не допустили.

Вот и рос Костя, как и многие в этой стране, испытывая патологическое отвращение к лживым коммунистическим теориям, но при этом помалкивая. От предков ему достались потомственное чувство собственного достоинства, уважение к своему и чужому труду и способность выживать в любых условиях. Последняя особенно пригодилась, когда пришлось два долгих года служить в советской армии, больше похожей на тюрьму или каторгу.

Самой трудновыполнимой для Кости заповедью была «Возлюби ближнего своего, как себя самого», с остальными девятью особых проблем не возникало. Большинство из них он, конечно, время от времени, к стыду своему, нарушал, но как-то в меру, без пережидания. Не воровать, почитать родителей, не желать чужих жён и имущества, не клеветать, не творить себе кумиров и прочее чаще получалось, чем не получалось, убить, слава богу, не довелось, а вот возлюбить людей не получалось совсем. Единственное, чего удалось добиться с помощью долгих размышлений и самоанализа, – это не гадить окружающим без нужды, не давить вертунхайских потомков, используя свою силу и повинуюсь чувству справедливости.

Как пел Александр Дольский:

*Я лишил себя права на месть,
На презренье оставил право.*

Вертухаево семя должно было само постепенно вымереть. Для этого им просто нельзя было позволять жрать других людей, а других способностей, другого способа существования и кормления они не унаследовали. Всё должно было идти естественным, эволюционным путём. Толковые и жизнеспособные должны были выживать, а тупые и ленивые – вымирать. Если не вмешиваться в этот процесс, пихая в слюнявые пасти халявную еду, то через несколько поколений можно было надеяться на формирование нормального народа, нормальной нации, которая сможет создать нормальное государство.

Главной проблемой, тормозящей развитие общества, были потомки людоедов и вертухаев, плотно оккупировавшие все уровни власти, и силовые структуры, где, прикрываясь погонями, удостоверениями и путаницей в законах, душили любые ростки свободы, занимались грабежом и вымогательством. Общество для них превратилось в питательную среду, в объект охоты, государство превратилось в кормушку. Заставлять людей уважать права личности и права собственности было некому. Не зря один из известных рок-музыкантов метко назвал существующий в стране режим «ментовской властью с мигалками в башке»!

С этими мыслями и задремал. Снился всякая чушь в стиле фэнтези. Водитель разбудил уже около дома. С трудом проглотив корм в горле и прокашлявшись, Костя поблагодарил его за хорошую дорогу и пошёл домой принимать душ и досыпать.

Игорь Бuzин с финдиректором Пашей наконец закончили расчёт бизнес-плана молочного комплекса и всего хозяйства в целом. Картина получалась не очень радужной: срок оку-

паемости проекта при поголовье дойного стада в тысячу двести голов, с учётом уже просранных и разворованных на первом этапе денег, выходил больше одиннадцати лет.

При увеличении дойного стада до двух тысяч четырёхсот голов срок окупаемости снижался до девяти лет, но это требовало значительного увеличения объёмов инвестиций, а взять их можно было только из кармана Папарота. Из-за таких долгих сроков окупаемости и больших сомнений в возврате денег банки по нацпроекту кредитовать не хотели.

Кроме того, кредитованию сильно мешали инструкции Центробанка, которые требовали, чтобы получатель кредита обязательно предоставлял банку залогом и поручительства на всю сумму кредита, причём при оценке залогов с учётом дисконтирования получалось, что стоимость закладываемого имущества должна была превышать сумму кредита минимум процентов на сорок. Это делало кредитование обычных сельскохозяйственных предприятий совершенно невозможным. Ну где наши развалившиеся колхозы и совхозы, переименованные в сельскохозяйственные кооперативы и унитарные предприятия, могли найти столько залогового имущества, да ещё и богатых поручителей?

Кредитование по нацпроекту производилось по большей части только в тех областях, где областные администрации сами предоставляли банкам залоговое обеспечение и сами выступали поручителями. В Соколовской области, куда угораздило вляпаться Папарота, всё это делалось только для хозяйств, контролируемых губернатором, объёмы инвестиций, а следовательно, и кредитов в этих хозяйствах завывались в разы, а полученные средства губернатором и его подбрюшьем разворовывались.

Поскольку кредиты выдавались сроком на восемь лет, губернатор понимал, что разбираться с поручительствами, залогами и возвратами денег придётся уже не ему, а тем, кто придёт на его место, а на них ему было глубоко наплевать. Кроме того, у жуликов была надежда, что когда пирамида рухнет, государство, деньгами которого и оперировал ГосАгроБанк, опять все долги простит. Такие прецеденты в новейшей истории страны были уже не раз.

Одним словом, на кредиты реально рассчитывать не приходилось, инвестиции были возможны только из личного кармана Папарота, но и здесь возникала проблема. Андрюша, как и абсолютное большинство других стремительно разбогатевших в период мутной воды соотечественников, ментально абсолютно не был готов к долгосрочным инвестициям, слишком сильна была привычка к быстрым деньгам.

Процветавшие в стране рейдерство и бандитизм силовых структур, одобряемые на самом высоком государственном уровне, тоже не добавляли предпринимателям уверенности в завтрашнем дне. Спусковым крючком такого рейдерства стали арест и отправка в лагерь того самого олигарха, у которого в рекламной службе когда-то Костя начинал свою трудовую деятельность. Олигарха посадили, его империю бессовестно разграбили, растащив активы по разным окологосударственным структурам. Силовики в кооперации с жуликами однозначно восприняли эти действия лидера нации как разрешение на всё, как сигнал к атаке и повсеместно начали грабить предпринимателей на всех уровнях. Если лидеру нации можно отобрать у олигарха нефтяную компанию, то почему нам нельзя отобрать у какого-то придурка какой-нибудь заводик, или ресторанчик, или ещё что-нибудь?

Напуганные предприниматели, повинуясь инстинкту самосохранения, стали относиться к инвестированию в отечественную экономику с большой опаской, а к долгосрочным инвестициям особенно. Никто не знал, когда на него обратят внимание, придут и отнимут или под угрозой тюрьмы заставят продать за копейки. Абсолютное большинство активных людей старались зарабатывать быстро, а заработанные деньги переправлять за границу.

Бизнес и экономика в таких условиях развивались плохо, но народу ситуация нравилась. Население ненавидело богатых и радовалось их несчастьям, богатые, не вкладывая деньги в развитие экономики, пробавлялись короткими спекулятивными операциями. Когда-нибудь это должно было плохо закончиться.

Костя отчётливо понимал, что свои личные деньги в этой стране и в этой ситуации он в подобный проект не вложил бы ни в коем случае. Папарота, который уже увяз в проекте по уши, было жалко. Единственное, что можно было для него сделать, чтобы сохранить свою совесть чистой, это честно обрисовать ситуацию и предложить нелёгкий выбор – либо оставив всё это сельскохозяйственное безобразие и фиксировать убытки, либо продолжать проект, инвестируя собственные средства и трезво осознавая, что это очень надолго и что там будет через девять-одиннадцать лет, никому неизвестно.

Очередная плановая встреча с Папаротом была назначена, как обычно, в его офисе в Сетевой компании. Костя приехал минут на пятнадцать пораньше, а Папарот, как это часто с ним бывало, выбился из графика, поэтому сидение в приёмной в ожидании встречи растянулось почти на час. Хорошо, что приёмная выходила в большой холл, где стояли мягкие кресла и столики с пепельницами. Можно было ожидать с комфортом, покуривая и попивая чаёк-кофеёк.

Ожидание скрашивал Вова Овечкин, который то сидел и общался с Костей, то забегал к Папароту с очередным посетителем. Костя уже давно заметил в поведении папаротовских посетителей одну странность. Сталкиваясь в приёмной, знакомые между собой люди не только обменивались обычными приветствиями, но ожидающий ещё обязательно спрашивал выходящего, в каком настроении пребывает Андрюша, а иногда выходящий сам первый доверительно сообщал ожидающим, что Андрюша сегодня «нормально» или «сильно не в духе».

Поначалу Костю удивляло такое внимание посетителей к настроению и состоянию Папарота. Проработав много лет в бизнесе и поимев удовольствие лично общаться со многими крупными предпринимателями, политиками и большими чиновниками, Костя с таким интересом к настроению хозяина, или начальника, никогда не сталкивался. Обычно везде и всегда царил сдержанно-деловой стиль общения, настроения и эмоции наружу не выпускались и, как правило, на дело не влияли.

Первый раз Костя увидел другую сторону давно знакомого Андрюши, когда во время одной из предыдущих встреч Папарот вдруг по какому-то пустячному, малозначимому поводу сорвался на своего верного Овечкина. Повод был совершенно ничтожным, точнее, в Костином понимании, его вообще не было. Овечкин в очень мягкой, даже робкой форме успел только намекнуть Андрею, что у него есть какое-то собственное мнение. В ответ Андрюша взорвался так, что Костю чуть не вынесло взрывной волной из кабинета, орал совершенно гнусно, похамски, осыпая бедного Вову разнообразными оскорбительными эпитетами. Овечкин при этом весь покраснел, но молчал, слушал, опустив глаза и втянув голову в плечи. Костя растерялся, совершенно не понимая, как реагировать на происходящее. Хотелось просто встать и уйти. Вопли Андрюша тогда закончил обобщением, что все кругом абсолютные кретины, потом зыркнул исподлобья на Костю и буркнул:

– К тебе это не относится.

Преобладающей эмоцией от этой безобразной сцены было изумление. Костя никак не ожидал от Папарота такого омерзительного красножопо-вертухайского хамства, но ещё меньше он ожидал такого смиренного принятия унижений от Овечкина, казавшегося вполне достойным, уважающим себя мужиком.

Костя отчётливо понимал, что если бы на него вылили хотя бы треть той грязи, что досталась Овечкину, реакция и последствия могли быть непредсказуемы и носить фатальный характер. В лучшем случае Андрюша был бы послан, а в худшем мог бы получить в морду пепельницей или ещё чем-нибудь из стоящего на столе. Вова же всё стерпел молча, и только общее покраснение физиономии свидетельствовало о том, что оскорбления были им услышаны.

Логика тут же начала услужливо подсказывать Косте варианты оправдания овечкинского поведения. Придумалось, что, возможно, он наделал больших ошибок в каком-нибудь из про-

ектов, потерял много денег и теперь чувство вины подавило его чувство собственного достоинства. Как-то не хотелось думать, что Вова относился к категории людишек, которые за деньги готовы терпеть любое дерьмо, у которых понятия выгоды и сытости полностью заменили понятия чести и достоинства. Такую публику Костя презирал. Приятнее было убедить себя, что это всё-таки вариант с чувством вины и Вову надо пожалеть.

Андрюшино скотское поведение Костя оправдал переутомлением и нервным срывом. Такое с каждым могло случиться, особенно учитывая его перегрузки и уровень ответственности. Однако постоянный обмен информацией об Андрюшином настроении в приёмной свидетельствовал о том, что такие срывы редкостью не были и происходили весьма регулярно, что наводило на грустные мысли о некоторой его распушенности.

Вот Овечкин опять выскочил от Папарота с очередным посетителем, совершенно красный и нервно моргающий. В ответ на участливый Костин вопрос скупно бросил:

– Пospорили. Поругались. Я ведь парень такой, могу и в морду дать. Андрюха вообще в бизнесе ни хуя не понимает, совсем в чиновника превратился.

Косте вдруг стало смешно. Вспомнилось Вовино покраснение и молчание, когда Андрюша поносил его в Костином присутствии, да и заявление об Андрюшиной некомпетентности в бизнесе доверия не внушало – богатство и положение Андрея никак не совмещалось с его небизнесовостью, а вот сам Овечкин в этой ситуации выглядел как минимум забавно. Пожав плечами, Костя подумал: «Да, Вова, похоже, плохо ты справляешься со своими обязанностями, раз Андрюха вынужден так тебя трахать».

В холл выглянула папаротовская секретарша и сделала Овечкину и Косте ручкой приглашающий жест в сторону кабинета хозяина. Андрюша встретил спокойно и доброжелательно. Первая часть разговора прошла конструктивно, по-деловому. Костя рассказывал о положении дел, о срочных и среднесрочных мерах. Андрюша слушал внимательно, задавал уточняющие вопросы, Овечкин помалкивал. Когда дело дошло до предварительного обсуждения нового реального бизнес-плана, Андрюша, услышав сроки окупаемости проекта, явно сильно напрягся, но эмоции наружу не выпустил, только хмуро спросил:

– А тебя не наёбывают?

Костя в ответ максимально внятно и просто, используя все доступные аргументы, объяснил происхождение этих цифр. Заодно обсудили, какую динамику роста цен на сырьё и продукцию закладывать в окончательные расчёты. Андрюша успокоился, говорил внятно и конструктивно, было очевидно, что в целом Костин подход и Костины действия его устраивают.

Когда стало ясно, что всё основное, что хотели донести друг до друга, уже сказано, Костя очень сжато, стараясь убрать любую эмоциональную окраску, доложил всё, что ему стало известно о воровстве хорошего парня Коли Зуделкина. Неожиданно для Кости первой реакцией стало полное отрицание услышанного. Андрей, резко оттолкнувшись от края стола, откинулся на спинку кресла и заявил:

– Это полная хуйня! Этого не может быть!

Костя вынужден был более подробно изложить доказательства зуделкинского крысятничества и даже предъявить собственноручно написанную Косоротовым бумажку, содержащую все уже отданные и запланированные суммы откатов и сроки их передачи. Андрюша выслушал стиснув зубы и распорядился:

– Овечкин, разберись. Потом расскажете результаты. Хотя я в это и не верю.

«Странная реакция, – подумал Костя. – Полное ощущение, что Андрюша больше злится не на Зуделкина, а на меня – за то, что я ему об этом сказал».

Овечкин собрал свои бумажки и встал из-за стола, Костя тоже собрал принесённые расчёты, но вставать не стал, а попросил Андрея уделить ему несколько минут для разговора с глазу на глаз. Когда остались вдвоём, Костя достал из кармана сигареты и зажигалку и, хитро глядя на Андрюшу, спросил разрешения закурить. Обычно Папарот курить у себя в кабинете

никому не разрешал, хотя сам курил. Объяснял это тем, что вы, мол, тут надымите и уйдёте, а мне в этом во всём дальше работать. Костя в своё время проявил настойчивость и на правах старого знакомого себе разрешение курить вытребовал, объясняя это тем, что если встречи растягиваются больше чем на тридцать минут, он начинает больше думать о куреве, чем о предмете разговора.

Разрешение курить и в этот раз было получено. Глубоко и с удовольствием затянувшись, Костя предельно честно заявил Андрею, что перспектив в этом бизнесе не видит, что ситуация с привлечением кредитных ресурсов патовая и что проект надо замораживать до лучших времен, когда государство прекратит своё неуклюжее вмешательство в рынок и идиотские попытки регулировать цены на продукты питания, одновременно поддерживая неэффективных производителей и позволяя чиновникам разворовывать выделяемые на развитие агробизнеса деньги.

Предложил заморозить строительство животноводческого комплекса сразу, как только косоротовская строительная банда отработает полученные авансы, а это произойдёт буквально через пару недель, и перевести хозяйство в ждущий режим. Сеять только зерновые, используя при этом исключительно экстенсивные технологии с чистыми парами и минимальными затратами. Это позволит быстро вывести хозяйство на самофинансирование. Земли при этом зарастать не будут, а будут поддерживаться в рабочем состоянии, следовательно, не будет претензий со стороны государства и легко будет в любой момент перейти к интенсивному развитию, как только сложится благоприятная рыночная конъюнктура.

Что касалось конезавода, то тут, по мнению Кости, бизнеса вообще не было и быть не могло, и подтверждением тому служил весь мировой опыт. Нигде в мире разведение лошадей бизнесом не являлось. В тех странах, где были широко распространены бега и тотализатор и народ имел крепкую историческую привычку на нём играть, конезаводчики более-менее себя кормили, во всех остальных случаях коневодство являлось исключительно дорогой игрушкой для очень богатых людей, как, например, британские королевские конюшни или конезаводы арабских шейхов.

Так как в нашей стране закон о тотализаторе отсутствует и неизвестно когда появится, ипподромы практически везде пребывают в разваленном состоянии, а их территории постоянно подвергаются попыткам захвата разными застройщиками и прочими девелоперами, говорить о конезаводе как о бизнесе смысла не имеет. Конезавод можно рассматривать как затратный имиджевый проект, как способ Андрею на законных основаниях оказаться в одной ложе с премьером или президентом страны на каких-нибудь скачках, которые те время от времени посещали.

Ещё одним отягчающим обстоятельством было то, что в стране разведением и тренингом лошадей всерьёз перестали заниматься ещё когда пересаживали армию с конной тяги на автомобили и прочую технику, и теперь уже практически не осталось людей, которые бы хоть что-нибудь в коневодстве понимали. Панасюк нашёл вроде бы приличную заокеанскую консалтинговую компанию, готовую взяться за разработку бизнес-плана реконструкции и развития папаротовского конезавода, но Костя в успех и перспективы этого предприятия категорически не верил.

Андрюша выслушал Костин монолог очень спокойно и внимательно, вопреки обыкновению даже не перебил ни разу, потом очень убедительно и ласково, приблизительно как врач больному ребёнку, начал объяснять всю глубину его заблуждений.

По его глубокому убеждению, замораживать строительство молочного комплекса нельзя было ни в коем случае: в долгосрочной перспективе производство молока не могло не быть выгодным. Традиции потребления молочных продуктов в нашей стране очень сильны, а государство рано или поздно будет вынуждено прекратить регулирование цен и даст поднять голову производителю. Хрен с ними, с кредитами и с нацпроектом, у Андрюши достаточно денег,

чтобы полностью профинансировать этот проект самостоятельно, поэтому надо собраться и упорно двигаться вперёд, достраивать и запускать в эксплуатацию молочный комплекс, развивать собственное производство кормов и перерабатывать молоко в некий конечный продукт. А что касается конезавода – пускай заокеанские консультанты разрабатывают бизнес-план, денег на это не жалко. Посмотрим, что они наработают, тогда и будем решать, делать что-то или нет.

Костя вышел от Папарота в очень добром расположении духа, было чертовски приятно, что Андрей ведёт себя не как хапуга-временщик, ищущий халявы и быстрых барышей, а как правильный долгосрочный инвестор. Для успешной, продуктивной работы необходимо было верить в общий успех предприятия, и Андрей эту веру дал, гарантировав, что даже если не будет кредитов, процесс можно будет довести до конца за его личные деньги. Появилось ощущение стабильности, перспективы проекта прояснились, можно было спокойно работать дальше.

В хозяйстве тем временем всё как-то затихло, все полевые работы и закладка урожая на хранение закончились. Шманьков после Костиных кадровых репрессий притих, затаился, украсть стало нечего. Володя Сергиян продолжал успешно душить Косоротова и его подручных, параллельно подыскивая на их место других, более вменяемых подрядчиков. Некоторые виды работ уже выполняли разные соколовские строительные фирмы. Косоротов, понимая, что его дни на стройплощадке сочтены, похоже, смирился, спокойно доделывал начатые объёмы и готовился к подведению итогов и расставанию.

Для того чтобы Сергиян мог исполнять функции заказчика-застройщика не только фактически, но и юридически, создали и зарегистрировали свою строительную компанию. Костины знакомые стряпчие сделали это быстро и недорого, даже оформили новой фирме все необходимые строительные лицензии. В помощь Сергияну взяли на работу ещё двух отставных военных строителей – Василия и Бориса.

Василий, невысокий, щуплый и весьма шустрый, занялся закупками всяческого оборудования для молочного комплекса, которое хозяйство должно было приобретать напрямую у производителей, а также постоянно контролировал закупочные цены на все стройматериалы, используемые строителями-подрядчиками.

Борис, высокий, крепкий, всегда весёлый и доброжелательный, взял на себя все доработки и изменения проекта, согласования во всяких госстройэкспертизах и получение всех необходимых разрешений. Фамилия его – Баранов – совершенно не соответствовала сущности: он был умён, упорен и великолепно разбирался во всех строительных нормах и правилах, чем и обезоруживал чиновников государственных надзорных органов.

Кадровый вопрос стоял очень остро. Надо было срочно-срочно убирать Шманькова, искать кого-то на его место и на место уволенных из хозяйства специалистов, а людей не было. В головной команде управляющей компании тоже было не всё ладно. Финансовый директор Паша, приведённый в своё время Игорем Бузиным, оказался хорошим специалистом, но слабым менеджером, на финансового директора он определённо не тянул. Когда дело касалось кабинетных расчетов, например бюджетирования или просчётов вариантов бизнес-планов, вполне справлялся, а вот когда надо было строить экономиста и бухгалтеров в хозяйстве, Паша пасовал. Не хватало ему менеджерской хватки и жёсткости.

Особенно ярко это проявилось после того, как на место главного бухгалтера в хозяйство взяли Наталью Ивановну – грамотную и опытную тётку лет сорока пяти из Соколовска. Главной задачей, поставленной Костей перед бухгалтерией, было в кратчайшие сроки перейти на общеизвестные компьютерные программы. Учёт в хозяйстве до сих пор ввели вручную на старых бумажных бланках, что делало бухгалтерию абсолютно непрозрачной. В столице так никто не работал уже лет десять, Костя даже не ожидал, что так может быть.

Наталья Ивановна, как и большинство состоявшихся в профессии старых опытных главных бухгалтеров, была хитрой, жёсткой, волевой стервой с развалившейся личной жизнью, приученной лавировать между задачами, поставленными руководством, и Уголовным кодексом в той его части, где содержались кары за уклонение от уплаты налогов. По Костиным правилам подчиняться она должна была непосредственно финансовому директору управляющей компании, но из этого ничего не вышло. Наталья Ивановна быстро разобралась с Пашиной мягкостью и скушала своего начальника, не выплюнув пуговиц. Кроме того, выяснилось, что экономист Паша неплохой, а вот бухгалтерский учёт знает слабо, что дало возможность Наталье Ивановне играть в свои игры и вертеть им, как марионеткой. Такого положения вещей Костя допустить не мог и начал активный поиск человека на Пашино место.

Ещё хуже дела обстояли с Костиной правой рукой Игорем Бузиным. Отношения с ним постепенно превратились в тихий, постоянно тлеющий конфликт, эдакое перманентное противостояние. Игорь, освоившись в новом коллективе, вдруг утратил свой внешний лоск и воспитанность, начал демонстрировать непопулярные самоуверенность и высокомерие, которые в сочетании со склонностью к принятию быстрых, скоропалительных и непродуманных решений создавали проблемы. Костя вдруг, совершенно для себя неожиданно, увидел, что Игорь пытается с ним конкурировать; это глупое детское соперничество отнимало силы и вредило делу.

У остальных членов команды нормальные рабочие отношения с Бузиным тоже не сложились. Светка злилась из-за его некорректных отчётов о расходовании наличных денег. Особенно неприятно ей было то, что своё нежелание отчитываться Игорь прикрывал хамским пренебрежением – что вы, мол, пристаёте с вашими копеечными отчётами, у меня, великого, более масштабные задачи. Панасюка раздражала поверхностность Игоря, особенно в сочетании с его поспешностью в принятии решений. Сергиян просто вошёл с Бузиным в жёсткий клинч, и после нескольких откровенных конфликтов они общались только через Костю. В конце концов всё это сделалось непереносимым, атмосфера в коллективе стала, мягко говоря, нетворческой, пришлось просить Игоря написать заявление «по собственному желанию».

На место уволенного вивисектора Бухвостина Костя с огромным трудом уговорил прийти Светлану Владимировну Гусеву – человека, известного в коневодческих кругах и весьма уважаемого. Всю свою жизнь после окончания института она проработала на том самом конезаводе, знала каждый уголок, каждую травинку и каждую пробирку в конезаводской ветлечебнице. Когда в стране начался переход от социализма к капитализму и госфинансирование конезавода прекратилось, Светлана Владимировна устроилась в район участковым ветеринаром и открыла в посёлке маленький продуктовый магазинчик.

Главным препятствием для возвращения Гусевой на конезавод было её категорическое нежелание взаимодействовать с действующим генеральным директором хозяйства Шманьковым, которого она открыто называла придурком и жуликом. Согласилась Светлана Владимировна на Костино предложение только после того, как узнала о твёрдом намерении разделить хозяйство и конезавод на два отдельных, независимых друг от друга юридических лица и вывести таким образом конезавод в прямое непосредственное подчинение управляющей компании. Костя таким образом пытался спасти баланс хозяйства, который из-за вечной чёрной дыры затрат на содержание конезавода грозил навсегда превратиться в убыточный, во всяком случае по текущей деятельности, а этого допускать было нельзя. С таким балансом ни один банк никогда бы кредита хозяйству не дал.

Хозяйство и конезавод никакой логикой бизнеса связаны не были; даже корма, выращиваемые для конезавода, Костя хотел покупать у хозяйства на абсолютно рыночных условиях, стимулируя тем самым его нормальную эффективную деятельность. Как только Гусева согласилась, Костя немедленно дал команду Зуделкину организовать через местных соколовских

юристов срочную регистрацию самостоятельной фирмы «Конезавод» со Светланой Владимировной в качестве генерального директора.

История с крысятничеством Коли Зуделкина так ничем и не кончилась. Папарот поручил Овечкину провести расследование, Овечкин, дождавшись в приёмной Костиного выхода, попытался переложить эту задачу на Костю, но Костя в резкой форме отказался, заявив:

– Я вам что, следователь гестапо? Я кражонку вскрыл, а в деталях сами ковыряйтесь, – и вручил Овечкину письменные показания Косоротова.

После этого Овечкин вызывал к себе Колю, который невразумительно блял, что эти деньги должны были пойти на зарплату предыдущей, разбежавшейся управляющей команде Спасивого и что-то он им якобы выплачивал. Цифры при этом не сходились в разы, и объяснить, почему Коля пытался скрыть, что должен получить с Косоротова ещё триста тысяч долларов, он не смог никак. Когда Костя сам в лоб спросил его об этом, Зуделкин покраснел, опустил глаза и промямлил, что он, мол, хотел сказать об этих деньгах, но почему-то не сказал, а почему – сам не знает.

Что там Овечкин докладывал Папароту о результатах расследования, Косте было неведомо. Ни Овечкин, ни сам Андрюша никогда больше к этой теме не возвращались. Так хороший парень Коля Зуделкин и остался в Костиной команде, то ли в качестве смотрящего от Папарота, то ли в качестве приживалки на Андрюшином содержании.

Ничего серьёзного, связанного с деньгами, Костя ему поручить не мог, но и уволить без санкций Папарота не мог, так как знал, что Коля как доверенное лицо фигурирует в качестве номинального совладельца или генерального директора в нескольких Андрюшиных конторах, в которых по каким-то причинам Андрюша сам светиться не мог. Оставалось только терпеть Колино присутствие, спихивать на него всякую ерунду вроде зарыбления пруда и стараться тратить на него как можно меньше времени, имея в виду его патологическую лень и вороватость.

На место уволенного с треском шманьковского агронома решили взять местного молодого парня Ваню Корнилова, который два года назад довольно успешно закончил Соколовский аграрный университет по специальности «растениеводство», получил диплом агронома, вернулся в родное село и с удивлением обнаружил, что его знания и молодой задор никому не нужны.

Проблема была в том, что у Вани была вредная привычка по любому вопросу иметь собственное мнение и высказывать его, к месту и не к месту. Шманьков таких людей не переваривал органически, поэтому агрономом Ваню не взял. Чтобы добыть себе пропитание, пришлось Ване идти к менту Славику в службу охраны, где он придурился и спал на посту, пока Костя случайно не узнал о его агрономическом образовании и не услышал его тихое бормотание о том, что Шманьков и его дружок агроном не просто делали всё не так, а буквально издевались над агротехнологиями и просто над здравым смыслом.

Поговорив с Ваней и порасспросив о нём окружающих, Костя убедился, что парень он твёрдый и настойчивый, а полученные им в аграрном университете академические знания ещё не утонули и не растворились в дерьме отечественной сельскохозяйственной практики. Кроме того, Ваня был местный, следовательно не надо было заморачиваться с предоставлением ему жилья. Всё сошлось в одну точку, и Костя, прекратив искания, отвёл Ваню к Шманькову и жёстко, тоном, не терпящим возражений, сказал:

– Вот тебе новый главный агроном. Оформляй бумаги, и приступайте к работе.

Шманьков открыл рот, вытаращил глаза, но возразить не посмел.

Старинный знакомец Сергияна, отставной полковник Смирнюк, приехавший наконец на собеседование, Косте очень понравился. Звали его Александр Рафаилович, и производил он впечатление человека порядочного, достаточно жёсткого, с твёрдыми представлениями о дисциплине, порядке и своём личном достоинстве. Кроме того, выяснилось, что у Смирнюка после

увольнения в запас был более чем двухлетний опыт управления довольно большим новым сельскохозяйственным предприятием в одной из соседних с Соколовской областей, включавшим в себя около пятидесяти тысяч гектаров пашни, используемой под зерновые, и какое-то молочное животноводство в полуразвалившихся коровниках со старой технологией содержания. Эти молочные фермы были убыточны, но их не могли ликвидировать, так как продолжение их существования было одним из условий, выставленных местным губернатором при продаже земли.

На самый главный Костин вопрос «Почему же вы оттуда ушли?» Смирнюк коротко и внятно изложил довольно обычную для нашего времени историю. Хозяев у проекта было пять, каждый из них имел свой, не зависящий от других бизнес, и никто из них не имел никакого отношения к сельскому хозяйству. Они объединились и пошли в проект с абсолютно спекулятивными целями – скупить побольше земли, объединить её в единый пай, кое-как создать видимость функционирования нового большого хозяйства и сразу его выгодно продать.

Инвесторов-спекулянтов, как это часто бывает, подвели излишняя самоуверенность и нежелание тратить время и деньги на тщательную проработку проекта. Объёмы инвестиций, необходимых для того, чтобы это хозяйство начало более-менее нормально функционировать, оказались в разы больше, чем изначально планируемые. Инвесторы переругались между собой и стали по очереди давать генеральному директору противоречащие друг другу указания. Получились лебедь, рак и щука в количестве пяти. Работать в таких условиях Смирнюк не смог и ушёл.

Про агротехнологии Александр Рафаилович говорил уверенно, да и по-человечески он Косте понравился, поэтому, обсудив условия найма, быстро договорились о переезде Смирнюка в хозяйство.

Наконец без всяких знакомств, через сайт какого-то кадрового агентства нашёлся человек на место финансового директора Паши. Звали его Сергей Воронин, и, что особенно позабавило Костю, он тоже оказался отставным офицером, подполковником финансовой службы. За спиной Воронина было элитное военное финансовое училище, служба в армейских финансовых структурах и какое-то дополнительное гражданское образование по профилю. Уволившись из армии в тридцать четыре года, Сергей успел поработать финансовым директором управляющей компании, очень похожей на Костину по объёму и виду деятельности, но хозяева той компании, в отличие от Папарота, поняв, что с нацпроектом их жестоко обманули, проект заморозили и финансирование прекратили.

Было немного странно, как это Сергей умудрился к тридцати четырём годам дослужиться до подполковника. Во времена Костиной срочной службы в армии такого быть просто не могло; большинство офицеров, не прошедших обучения в академии, выходили на пенсию майорами. Однако, подумав, что в современных условиях эта странность скорее плюс, чем минус, Костя Воронина на работу взял.

Договариваясь с Пашей о его уходе «по-хорошему», Костя как мог постарался смягчить удар и подсластить пилюлю – всё-таки Паша был неплохой парень. Его ошибка была в том, что он полез в руководители, а с его характером в первые лица лезть не следовало, о чём Костя ему честно и сказал, посоветовав при поиске работы на директора не претендовать, лучше идти в замы.

Воронин приступил к работе буквально через два дня после собеседования и уже в течение первой недели показал себя грамотным профессионалом, а при первом же выезде в хозяйство ещё и твёрдым руководителем. Во всяком случае, Наталья Ивановна и её бухгалтерский коллектив, почувствовав на холках его железную хватку, построились мгновенно.

Осень закончилась, пришла зима. Костя продолжал мотаться в хозяйство еженедельно, иногда с одной, иногда с двумя ночёвками, таким образом удавалось полностью продуктивно отработать в хозяйстве два или три рабочих дня. Большая часть сил и времени уходила

на решение разных строительных вопросов и, конечно, на воспитание и вразумление крестьян, которые так и не проанализировали свои ошибки, совершённые в период предыдущей полевой кампании, пребывали в состоянии зимнего расслабления и о планировании сева и подготовке техники к весне думать совершенно не хотели. Это пугало. В следующем году планировалось завозить импортный скот и ставить его в новые коровники, для этого необходимо было в достаточном количестве заготовить качественные корма. Импортные, высокопродуктивные коровки, в отличие от наших, гнилую солому жрать не могли, они от неё дохли. Богосцы же даже приблизительно не могли посчитать, какое количество кормов потребно заготовить, что и на каких площадях для этого надо посеять. Выручали немецкие консультанты, которые думали, планировали и объясняли, а Костя продолжал пытаться заставить крестьян выполнять указания немцев и как манна небесная ждал приезда в хозяйство Смирнюка.

Наконец Александр Рафаилович приехал. Костя тут же собрал расширенную планёрку, представил его в качестве нового генерального директора хозяйства, предложил Шманькову сдавать дела и велел бухгалтерам срочно заменить банковские карточки. Потом посадил в машину нового генерального директора и Сергияна и устроил полный объезд хозяйства. Проехали по всем строительным объектам, обошли мехдвор, осмотрели все склады зерна и грубых кормов, напоследок заехали к Гусевой, которая в соответствии с новой структурой Смирнюку не подчинялась, но Костя попросил его просто по-человечески взять конезавод под опеку и помочь начинающему директору.

Вечером все, кто считал себя членом Костиной команды, собрались в доме управляющей компании. Костя привёз из столицы хорошей водки, Светка приготовила разных закусок, а во дворе, возле уютной беседки, два армянина-гастарбайтера варили шурпу из барашка, зарезанного пару часов назад.

Армяне остались Володе Сергияну в наследство от Косоротова. Их бригадир давно работал на косоротовских объектах, имел устойчивые связи с родиной и возможность оперативно менять количественный и качественный состав бригады в зависимости от объёмов и характера выполняемых работ. Когда Косоротова выдавили из хозяйства окончательно, выяснилось, что других объектов у армянской бригады нет и переезжать им некуда. Костя с Сергияном решили их оставить и использовать на объектах, не требующих мощной специальной техники, а также на всяких мелких ремонтных работах, на которые не имело смысла привлекать серьёзные строительные организации.

Армянский бригадир, которого Костя наградила кличкой Ара, был мужик в меру хитрый и довольно общительный, отношения быстро стали вполне приятельскими. Абсолютное большинство его бригады по-русски не говорило и не понимало, но шурпу из барашка они варили отменную, чем Костя время от времени с удовольствием пользовался.

Вечер прошёл стандартно: вкусно пожрали, в меру выпили, говорили исключительно о работе. Смирнюк вроде бы всем понравился.

На следующее утро Костя поехал к директору местной средней школы Надежде. Папорог уже давно разрешил в пределах разумного школе помогать и выделил для этого соответствующие деньги. Костя делал это с удовольствием. В некоторых случаях, когда выделенных Папорогом денег не хватало, добавлял свои. Жена Светка его в этом полностью поддерживала и даже несколько раз порывалась потратить на школьные и детсадовские нужды больше, чем они могли себе позволить.

Старый детский садик в посёлке давно развалился, и детишек переселили в здание школы, благо места хватало. Детей в селе стало мало, в школе учились всего пятьдесят шесть учеников во всех одиннадцати классах. В первое лето в хозяйстве Костя организовал ремонт школьной крыши, ремонт крыльца, обустройство тёплых полов в комнатах, занимаемых детским садом, и покупку детям кое-какого спортивного инвентаря. Но эта была капля

в море. Здание и прилегающая территория находились в отвратительном состоянии, государство не выделяло денег на ремонт и содержание уже лет двадцать.

Следующим летом Костя собирался отремонтировать школьную котельную и систему отопления. Ещё надо было срочно что-то делать со старым зданием мехмастерских, стоящим в двадцати метрах от школы. Здание было очень ветхим, практически разваливалось, могло рухнуть в любой момент. Хозяйство его давно не использовало, а дети, остававшиеся после уроков без присмотра, приспособились в нём играть. Здание решили снести, а на его месте построить школе хорошую спортивную площадку. Володя Сергиян как раз заканчивал составление предварительных смет и искал достойного подрядчика.

Зайдя к Надежде и согласовав с ней условия найма за счёт Папарота тренера по кикбоксингу из райцентра для организации при школе соответствующей секции, Костя отмахнулся от её потока благодарностей и в отличном настроении поехал с Сергияном инспектировать строительство папаротовской усадьбы на пруду.

Усадьба строилась ударными темпами. Все строители, с которыми Костя консультировался по этому поводу, утверждали, что объект такого объёма с учётом полного отсутствия коммуникаций будет строиться три года, ну минимум два с половиной, и это будет рекордно короткий срок. Папарот требовал, чтобы усадьбу полностью построили и сдали в эксплуатацию через год. Когда Костя с Сергияном пытались ему объяснить, что это невозможно, впадал в ересь и начинал верещать про то, что надо нанять тысячу таджиков, и про то, как один наш богачей в Турции за девять месяцев построил пятизвёздочный отель. Все объяснения о том, что в Турции весна и осень вовсе не такие, как у нас, а зимы нет совсем, что там все коммуникации проходили по границе стройплощадки, а нам одной дороги надо построить больше двух километров, столько же надо тянуть газ, бурить свои скважины для водоснабжения и строить свою, довольно сложную систему канализации, чтобы застраховаться от попадания Андрюшиного ядовитого говна в пруд, Папарот не слушал.

Вдобавок под местом, которое Андрей выбрал для усадьбы, оказался пльвун. Все предложения о переносе усадьбы на другой берег пруда Андрей отмёл категорически, так что теперь надо было менять проект фундамента, делать железобетонную моноплиту на буронабивных сваях, что тоже требовало немало дополнительного времени и денег. Барин ничего этого слышать не хотел, требовал всё построить за один год, и точка.

Сергиян долго кряхтел над детальным планом-графиком производства работ, долго пытался всё совместить, чтобы побольше разных работ делать одновременно, и наконец уместился в полтора года, но такие сроки тянули за собой значительное увеличение стоимости строительства за счёт срочности и производства многих работ в холодный зимний период.

Андрюша остался этими сроками очень недоволен. Требуемый бюджет выделил, но при этом при каждой встрече ворчал и, блестя глазами, бубнил про тысячу таджиков и про Турцию. Косте начало казаться, что его постоянное недовольство – это вовсе не недовольство, а такой стиль управления. Видимо, Папарот считал, что начальник должен быть всегда раздражённым и агрессивным, тогда подчинённые будут бодрее ходить и эффективнее работать.

Может, это было и правильно, но сам Костя всегда работал с полной отдачей или не работал вовсе, поэтому больше привык слышать от заказчиков благодарности и выражения всяческого уважения. Постоянные Андрюшины наскоки его здорово раздражали, но поскольку кроме строительства усадьбы Папарот больше практически никуда не лез и ничем не интересовался, работать всё равно было комфортно. Костиной самореализации никто не мешал и в свободе принятия решений не ограничивал. На таких же условиях Костя всегда работал на выборах – клиенты платили деньги и делали всё, что им говорили, а команда работала и выдавала результат. В папаротовском сельхозпроекте пока всё шло по той же конструктивной схеме.

На стройплощадке жизнь была ключом: суетились рабочие, рычала техника. Внизу, у самого берега пруда, в грязи ползали бульдозер и экскаватор, готовили площадку под свай-

ное поле. Костя, Сергиян и Краснов – хозяин соколовской строительной фирмы, выступающей на строительстве усадьбы генеральным подрядчиком, – быстренько обсудили, как максимально сохранить существующие старые деревья вокруг строящихся объектов и где строить бетонные подпорные стенки для предотвращения сползания грунта вниз к пруду, согласовали решения и разбежались.

Сергиян поехал на стройплощадку молочного комплекса, а Костя в контору – посмотреть, как там Смирнюк входит в курс дела, и при необходимости помочь. Смирнюк вполне справлялся, выдёргивал специалистов хозяйства поодиночке к себе в переговорную и с пристрастием допрашивал. На Костин вопрос «Как процесс?» Александр Рафаилович уверенно ответил:

– Не беспокойтесь, Константин Николаевич, мы тут всё организуем и наладим как надо.

Спокойная уверенность Смирнюка понравилась, растерянности не наблюдалось. Подумав: «Похоже, Рафаилыч и вправду знает, что делать», – Костя заглянул к Шманькову, тихо сидевшему в собственном кабинете и разглядывавшему настольный календарь с маской всепоглощающей скорби на физиономии. Говорить было не о чем, прикрыл дверь и пошёл искать Воронина. Серёга обнаружился в бухгалтерии. Судя по выражениям лиц Натальи Ивановны и её бухгалтерского бабья, он был окончательно признан главным бабуином, великим вождём и учителем.

Велев финансисту через пятнадцать минут быть с вещами у машины, Костя пошёл инспектировать мехмастерские, где по идее должна была кипеть работа по подготовке техники к полевым работам. Работа не кипела, главный инженер как раз был на допросе у Смирнюка. Пройдясь по помещениям, решил во что бы то ни стало выкроить деньги на обустройство бытовок для слесарей и механизаторов. Люди работали в совершенно собачьих условиях, негде было погреться, помыться, переодеться и попить чайку. Прикинув, как расположить раздевалку, комнату отдыха, душевые и сортир, вышел к машине, забрал ожидающего Воронина и поехал на строительство комплекса.

Сергиян возвышался посреди стройплощадки бронзовым монументом. Грудь вместе с животом выставлены вперёд, взор орлиный, попка отклячена. Убедившись, что строительство идёт в полном соответствии с планом и сроками, поставили Владимиру Васильевичу задачу по составлению сметы на оборудование бытовых удобств в мехмастерских и поехали в дом управляющей компании перекусить, забрать Светку и собираться домой в столицу.

К долгим и тяжёлым покатушкам из дома в хозяйство и обратно Костя постепенно привык и даже начал получать от них некоторое удовольствие. Пять часов вынужденного безделья в дороге были идеальным временем для размышлений. В обычной жизни всё время надо было что-то решать, что-то обсуждать, куда-то бежать, кому-то звонить или отвечать на звонки. Остановиться и подумать времени всегда не хватало, если, конечно, не считать приступов нервной бессонницы, но это было другое. Бессонница всегда была реакцией на какую-нибудь личную обиду, на подлость или несправедливость, и поскольку всё, чем Костя занимался, он воспринимал как личное, – обид хватало.

Теоретически Костя понимал, что так относиться к делу нельзя, просто вредно для здоровья, но изменить себя не мог. Примеры мужиков, умерших от инфарктов, не дожив до пятидесяти пяти лет, конечно, пугали, но на отношение к жизни, к сожалению, не влияли. Сделаться более спокойным и равнодушным не удавалось. Столкнувшись с какой-нибудь очередной гнусностью, каждый раз разрушался, а потом злился на себя за свою излишнюю эмоциональность. В таких случаях на память всегда приходила одна и та же фраза из Галича:

*Быть бы мне поспокойней.
Не казаться, а быть!*

Расслабленно развалившись на заднем сиденье и глядя на проплывающие за окном пейзажи, Костя неторопливо размышлял о том, о чём в обычной жизни подумать было некогда. Толчком к размышлениям послужил телерепортаж, просмотренный за чаем перед выездом, в котором журналист с видом гордого и счастливого идиота рассказывал, как наш лидер нации топал ножкой на мировое сообщество.

Чем, собственно, было гордиться? У Кости Родина-мать твёрдо ассоциировалась с деградировавшей бабой-алкоголичкой, которая когда-то была сильна и красива, но постепенно опустилась до состояния полного свинства. Когда её трясло и колотило с похмелья, она ползала на брюхе, выпрашивая у прохожих денежку на бутылку пива или стакан бормотухи. Когда денежка находилась и вождельный алкоголь растекался по жилам, в бабе просыпалась пьяная гордость, она занимала позицию в центре села, держась одной рукой за забор, а другой рукой замахивалась на всех проходящих мимо пустой бутылкой и орала:

– Щас как ёбну, блядь!

Конечно, ударить ей никого не удавалось. Близко к ней никто не старался подходить, а сама она от забора оторваться не могла – ноги не держали. Самым глупым в поведении бабы было то, что она совершенно не думала о завтрашнем дне, когда кончится выпивка, накатит горькое похмелье и придется снова ползать на брюхе перед теми, кого она хотела ёбнуть.

Страна находилась, конечно, не в алкогольной, а в финансовой зависимости от мирового рынка энергоносителей, экспорт которых составлял основу национальной экономики. Состояния похмелья и опьянения чередовались не каждый день, а гораздо реже, вместе со взлётами и падениями мировых цен на нефть и газ. Последние несколько лет цены на углеводороды постоянно росли. Родина опохмелилась, умыла личико, приделалась и продолжила радостно пьянствовать, но уже не под забором, а в дорогих кабаках под хорошую закуску.

Этот период сытого благополучного питания совпал с периодом сияния на политическом олимпе лидера нации – бывшего офицера спецслужб, психика которого, как и система ценностей, были навсегда искалечены этими самыми спецслужбами. Наверное, он по-своему любил Родину, желал ей добра и процветания, но идти к этому пытался очень своими, спецслужбистскими путями, разделяя всех и вся на своих и чужих.

По Костиному глубокому убеждению, делить мир на своих и чужих было никак нельзя, это размывало все базовые понятия, на которых всё должно было держаться, убивало понятия добра и зла, правды и лжи, греха и праведности. При таком разделении воры и подонки прощались и поощрялись потому, что были своими, а действительно полезные и порядочные люди выбрасывались за борт, если своими не считались. Любая объективность исключалась полностью, главенствовал принцип личной преданности.

История учила, что заканчивается это всегда печально. Изображающие преданность подонки рано или поздно предавали своего хозяина, ибо по-настоящему они могли быть преданными только собственной заднице. У народа не осталось духовных ценностей, не было идеалов, не было, да и не могло быть, национальной идеи, которую успешно заменила едкая фраза одного писателя-современника: «Чем унижаться и просить – лучше спиздить и молчать!»

За окном проплыла очередная деревенька. Почерневшие домишки, покосившиеся сараи, обшарпанный магазинчик, на окраине полуразвалившиеся фермы и мехдвор, больше похожий на пункт сбора металлолома. Мерзость и запустение. Неужели лидер нации на самом деле не знает, в каком состоянии страна? Неужели, топя ножкой и грозя пальчиком мировому сообществу, он искренне верит, что за спиной могучая держава? Неужели не догадывается, что все два новых боевых вертолета и новая ракетка, которые ему и журналистам гордо показывали генералы, сразу после демонстрации этими верными сынами своего народа украдены, проданы и пропиты?

Или это просто циничная попытка понравится избирателям, отвлечение на ложный объект? Сидите по уши в дерьме, зато можете гордиться, как ваш лидер всему миру пиписку

показывает. Кладовка золотовалютных резервов забита вином под завязку, о похмелье можно пока не думать. Пей спокойно, гордись собой и думай о высоком.

Мировому сообществу, однако, пиписька лидера нации не нравилась, мировое сообщество ей брезговало, потому и остались во всём мире у страны только два друга – два правителя малюсеньких латиноамериканских стран, которые тоже развлекали своих граждан показыванием цивилизованному человечеству своих гениталий и голых задниц.

Будущее представлялось Косте весьма печальным. Молодёжь перестала стремиться в бизнес, все мечтали стать чиновниками или силовиками. У новой элиты стремление хоть что-то созидать отсутствовало полностью, только отнимать и делить. За детей было страшно. Растить их насильниками и ворами, адаптированными к этой среде, Костя не хотел, но и эмигрировать не мог. Просто не мог представить себя живущим где-то в другой стране. Оставалось только «стоять в истине», как говорили православные, делать что должен, и будь что будет.

Наконец показалась развязка столичной кольцевой дороги. Впереди ждало целование детей, ужин в кругу семьи, душ и баньки.

Воронин с Панасюком при Костином непосредственном участии наконец окончательно досчитали варианты бизнес-плана, начатые ещё финдиректором Пашей и Игорем Бузиным. Бизнес-план получился правильный, хоть в учебники помещай. Весь процесс был рассчитан ежемесячно на одиннадцать лет вперёд. Учли всё. И динамику прироста поголовья, и динамику роста надоев, и динамику снижения затрат на кормопроизводство. Единственное, чего не могли спрогнозировать, это рост закупочных цен на молоко, поэтому их посчитали, привязав к среднему коэффициенту инфляции, хотя Костя был глубоко убеждён, что цены на молоко должны расти быстрее и сдерживает этот рост исключительно недалёковидное вмешательство государства в механизмы рынка.

Хитрое государство, опасаясь социальных взрывов, всеми силами сдерживало рост цен на так называемые продукты первой необходимости, в том числе на молоко и традиционные молочные продукты, в результате закупочные цены колебались на уровне рентабельности его производства, и то только в хозяйствах с хорошим менеджментом, а это в стране было большой редкостью. В подавляющем большинстве хозяйств менеджмент был шманьковский, а то и хуже, и производство молока приносило чистые убытки, так что пока ни о каком реальном развитии молочного животноводства в стране речи быть не могло.

Крестьяне коров повсеместно потихоньку вырезали и сдавали на мясо. Статистические данные о постоянном снижении поголовья по всей стране были ужасающие, но вслух об этом не говорили. По телевизору показывали, как лидер нации из рук кормит морковкой маленькую тёлочку на вновь построенной мегаферме в одной из более-менее зажиточных губерний и радостно трещали: «Нацпроект! Нацпроект!»

Генеральный директор этой мегафермы, которого Костя хорошо знал лично, жаловался, что у него себестоимость молока почти равна цене реализации и как отдавать полученные на строительство кредиты, он себе не представляет. Чтобы не болтал лишнего, его наградили какой-то медалькой и сделали председателем союза производителей молока.

Смирнюк, принимая дела, развернул в хозяйстве бурную, кипучую деятельность. Первым делом для оценки последствий шманьковского правления затеял полную, тотальную инвентаризацию. Потом как-то умудрился найти в райцентре нового главного инженера, производящего весьма приличное впечатление. Слесарей и механизаторов ему каким-то образом удалось построить так, что работа по подготовке техники к весенним полевым работам закипела и эти достойные граждане даже начали тащить из дома и сдавать на склад ранее украденные на всякий случай запчасти. Крестьяне, правда, за глаза прозвали Смирнюка Берией, что явно свидетельствовало о его холодной бесчеловечности, но Костю на данном этапе развития такой расклад вполне устраивал. Для наведения в хозяйстве элементарного порядка такой Берия был нужен как воздух.

Прочие процессы тоже потихоньку налаживались. Воронин активно помогал правильно организовать проведение инвентаризации и продолжал колотиться о ГосАгроБанк, пытаясь выбить хоть какие-нибудь кредитные деньги. Агроном Ваня, под бдительным оком Смирнюка и немцев, рисовал планы посевов. Сергиян со своими офицерами гонял по стройплощадкам новых соколовских подрядчиков и трудолюбивых армян.

Серёга Панасюк старательно пыхтел в поисках подходящего продукта переработки молока, всячески пытаясь вытащить нужную информацию из разных иностранных фирм и наших научно-исследовательских институтов молочной промышленности и прочего масло-сыроделания. Кроме того, на Серёге как на единственном в команде человеке, свободно говорящем по-английски, лежала почётная задача постоянного изнашивания заокеанских консультантов, рожающих план реконструкции и развития конезавода, на котором новый директор Гусева с настойчивостью маньяка наводила должный порядок.

По плану развития хозяйства, необходимо было закупать большое количество разной техники и оборудования, и Костя, посоветовавшись с мужиками, ввёл в управляющей компании должность менеджера по закупкам. Человек на это место нужен был исключительно порядочный и проверенный, так как любые закупки где-либо и чего-либо были самым простым и распространённым способом воровства.

Делалось это очень просто: покупатель договаривался с продавцом о завышении цены товара или сокрытии скидок, а после оплаты продавец отдавал часть переплаченных денег наличными или переводил их на счёт какой-нибудь подставной конторы? предоставленный покупателем. Поскольку схема подразумевала полную конфиденциальность и с обеих сторон, как правило, выступали не хозяева, а наёмники, получалось выгодно всем, кроме хозяина фирмы-покупателя. Хозяину фирмы-продавца было наплевать, так как он свою цену товара получал.

Доля наёмника со стороны покупателя в обиходе называлась откатом, размер которого зависел только от степени контроля в организации и от степени наглости и жадности сотрудников. Когда Костя входил в курс дела по хозяйству, он проверил несколько старых сделок команды Шманькова и Спесивого с Зуделкиным. Цены по этим сделкам оказались завышены процентов на тридцать – пятьдесят. Выходило, что степень наглости и жадности этих бойцов была весьма высока.

При такой сложившейся практике отдавать организацию закупок в руки непроверенного Смирнюка и его подчинённых было нельзя, но и лично контролировать всё не имелось физической возможности. Нужен был честный, проверенный человек. Поиск такого сотрудника осложнялся тем, что абсолютное большинство людей мечтали иметь стабильную постоянную работу до конца жизни, а Костя этого предложить не мог и, считая себя человеком порядочным, не предлагал. Напротив, нанимая людей на работу, честно говорил им, когда, по его мнению, по мере реализации бизнес-плана надобность в них отпадёт. В основном это, конечно, касалось не специалистов хозяйства, которые будут нужны всегда, а сотрудников управляющей компании, у которой после ввода молочного комплекса в эксплуатацию и отладки производственных процессов останутся только контрольные функции.

Единственной стимулирующей морковкой, которую Костя позволял себе повесить перед носом сотрудников, были его размышления о логике бизнеса, о том, что если мы все докажем Папароту свою эффективность, то будет какой-нибудь другой проект, другая работа. Андрюша же не идиот, обязательно постарается и дальше использовать хорошую команду людей, на деле показавших свою трудоспособность и деловые качества.

Той же политики Костя придерживался и со строителями, с Володей Сергияном и его офицерами, добавив к общим рассуждениям материальный стимул. Побуждая их к экономии расходов на строительство, под свою ответственность пообещал хорошие премии в виде небольшого процента от сэкономленного, но при условии, что экономия будет получена без

ущерба качеству строительства и что она не искусственно выдуманная. В том, что Папарот не станет против этого возражать, Костя не сомневался ни секунды.

На должность менеджера по закупкам взяли одного из старейших сотрудников рекламного агентства Илью Якушева, который работал у Кости уже лет двенадцать, придя в агентство совсем зелёным пацаном сразу после службы в армии, и вырос за эти годы во вполне уверенного в себе, спокойного и рассудительного мужика.

В связи с тем что Костя полностью погрузился в папаротовский сельхозпроект, работы в агентстве стало меньше, и Илюха вполне мог совмещать выполнение своих рекламных обязанностей с организацией процесса закупок. Менеджер по закупкам нужен был управляющей компании года на полтора-два. Илюха таким образом получал возможность дополнительного заработка и перспективу вернуться в агентство, а Костя получал проверенного, честного бойца на важном направлении.

Для постижения сути процесса закупок Илье оплатили учёбу на соответствующих двухнедельных курсах, после чего он довольно быстро разобрался в качестве и способностях поставщиков всякой всячины, необходимой для функционирования и развития хозяйства. Поставки техники, оборудования, семян, удобрений, ядохимикатов и прочего необходимого пошли ритмично и по вменяемым ценам. Несколько раз Илья приносил и сдавал Светке в чёрную кассу наличные, полученные в тех конторах, где откаты были обязательным условием получения хороших скидок на товар. Работать стало легче, меньше приходилось отвлекаться на проверки и контроль сделок.

Инвентаризация, проводимая Смирнюком и Ворониным, каждый день вскрывала новые факты воровства и бесхозяйственности Шманькова и его специалистов. С каждым новым выявленным фактом недостачи нарастало раздражение. Чаша терпения переполнилась, когда Косте доложили, что Шманьков куда-то сплавил два стареньких, но вполне рабочих трактора, доставшихся хозяйству ещё в процессе банкротства конезавода, видимо тихо продал по дешёвке соседям-фермерам в надежде, что их не хватятся. Сам Шманьков при этом изворачивался, врал и старательно делал вид, что ничего не знает и не понимает, чего от него хотят.

Костино терпение, наконец, лопнуло, и начальник службы охраны отставной мент Слава получил указание вступить в переговоры с районной прокуратурой и ментами на предмет возбуждения уголовного дела о хищениях и отдачи гражданина Шманькова под суд. Шманьков в хозяйстве появляться перестал, сидел дома, трясся и ждал, когда за ним придут.

Соседи-фермеры сильно загрустили: у них настали трудные времена, халява закончилась. Пока хозяйством управлял вороватый Шманьков, у них всегда была возможность по дешёвке, вполнены добыть краденую солярку, семена или удобрения, а теперь нужно было покупать всё это по рыночным ценам и за живые деньги. Экономика фермерских хозяйств, с их старенькой техникой и плохой организацией труда, таких затрат не выдерживала.

Ярким примером подобного хозяйствования был председатель сельсовета и по совместительству местный фермер. При разворывании конезавода ему удалось урвать приличный кусок пашни и один зерноуборочный комбайн, а вот пахать и сеять было нечем. Пока Шманьков был у руля, у них образовался воровской симбиоз. Шманьков, за счёт Папарота, разумеется, его семенами и техникой председательское поле засеивал, а председатель своим комбайном убирал урожай. Деньги за проданное зерно делили пополам. Шманьков все эти свои воровские схемы гордо называл: «помощь соседям».

Когда Смирнюк и Костя эту практику прекратили, фермеры сначала взвыли, потом задумались, а потом самые сообразительные потянулись к Косте с предложениями о продаже своих полей.

Однако, как вскоре выяснилось, Шманьков не только сидел дома и трясся, но и активно искал себе защиту от уголовного преследования и, что было для Кости крайне удивительно, нашёл её в лице губернатора.

Несколько месяцев назад в районе проходили выборы нового главы, на которых ставленник губернатора Данилкин с треском провалился. Новым главой района избрали директора местного профессионально-технического училища – тщедушного, лысенького, пугливого очкастого мужичишку, выдавшего себя за верного коммуниста-ленинца, последователя красножопых людоедов. Причина победы была вовсе не в том, что к народу вдруг вернулись любовь и доверие к коммунистам, просто предыдущий глава района – ставленник Удава-губернатора – воровал так нагло, яростно и беззастенчиво, что народец готов был голосовать хоть за жабу рогатую, лишь бы против этого жулика.

Когда губернатору кто-то доложил, что Шманькова собираются сажать, Удав решил, что эту пешку можно использовать ещё разок, и к Косте потянулись разные чиновники из областной администрации, каждый из которых доверительным шепотом от имени Удава-губернатора просил отпустить Шманькова с миром, так как Егор Сергеевич хочет поставить его первым замом к новому главе района. Костя упорно сопротивлялся до тех пор, пока за Шманькова не попросил первый зам губернатора.

За сговорчивость Косте было обещано решение нескольких административно-геморройных вопросов и, в качестве дополнительного бонуса, поездка в Америку на всемирную сельскохозяйственную выставку с посещением нескольких крупных молочных ферм в составе делегации аграриев от Соколовской области. Поездка планировалась на март, и с собой можно было взять одного сотрудника. Костя прикинул, что посевная в эту пору ещё не начнется, подготовка к ней уже закончится и десять дней выкроить будет можно. Кроме того, близилось время закупки скота для строящегося комплекса и очень хотелось на всемирной выставке подпитаться информацией по этому вопросу.

Подшло время очень важной встречи с Папаротом, на которой планировалось рассмотреть подготовленный командой бизнес-план и, в случае его принятия, согласовать бюджет проекта на следующий год. Встретились, как обычно, в Андрюшиной приёмной в Государственной сетевой компании. На этот раз Костя взял с собой Воронина, так как многими аспектами презентуемых расчётов Серёга владел лучше как финансист, лично их производивший.

Со стороны Папарота во встрече, как обычно, участвовал Володя Овечкин. Папарот выглядел пугающе. Был бледен. На лице застыла маска какой-то отрешённой нездешности. В глазах поблескивали злые бесовские огоньки. У Кости даже на какие-то секунды возникло ощущение, что это не Андрей, во всяком случае не тот Андрей, которого Костя знал много лет. Почудилось, что перед ним восковая фигура, абсолютно неживая, но при этом почему-то очень опасная.

Папарот вместо приветствия буркнул себе под нос что-то невразумительное и уставился куда-то под стол. Костя представил присутствующим Воронина, сказал короткую вступительную речь и, не услышав вопросов и возражений, вручил Овечкину и Андрею по экземпляру бизнес-плана и начал излагать его суть, поясняя детали и расчёты.

Папарот лениво перелистывал свой экземпляр, слушал молча. Костя говорил спокойно и внятно, объясняя содержание бизнес-плана, иногда давая Воронину возможность пояснить какие-то детали расчётов. Не получая никакой реакции от слушателей и не понимая, что ещё говорить, какие детали бизнес-плана были Андрею понятны, а какие требовали дополнительных разъяснений, минут через десять закончил свой монолог и попросил уточняющих вопросов.

В кабинете повисла тягостная тишина. Взглянув на Овечкина, Костя увидел в его глазах страх. И тут Папарот заорал без всяких прелюдий и предупреждений:

– Что вы мне принесли! Что за хуйню вы мне сюда принесли! На хуй мне ваши цифры! Сделайте мне презентацию! На хуй мне такой бизнес-план? Я не собираюсь из своего кармана финансировать развитие сельского хозяйства в этой стране. Где обещанные кредиты?! Всё это имеет смысл только в случае получения долгосрочного кредита с субсидируемой государством

процентной ставкой. На хуй мне вы все вместе с вашими коровами, навозом и прочим говном?! На хуй... .. блядь... .. ёб вашу мать ... .. !!! Как вы работаете с банками? Хуёво вы работаете! На хуй... и так далее, и так далее...

От неожиданности Костя совершенно растерялся. В голове молотком стучало: «Сука! Как же так?! Я же сам тебе всё это говорил на предыдущих встречах. Я же говорил, что проект надо останавливать, фиксировать убытки и возобновлять его только в случае получения кредита. Ты же, падла, сам мне сладко пел о долгосрочных перспективах. Что ж ты, гнида, теперь орёшь на меня так, будто это я втянул тебя в это дерьмо? И какую презентацию ты от нас хочешь? А кредитов нам не дают в том числе и из-за того, что у тебя, сука, нет залогов, из-за того, что ты попрятал все свои деньги в офшорах и предъявить в этой стране ни хуя не можешь. А мы теперь во всём виноваты?!»

Папарот тем временем продолжал злобно орать:

– ... ни хуя себе срок окупаемости десять лет! Да вы охуели! Хуйли вы мне ваши циферки принесли! Какого хуя я должен в них ковыряться?! Сделайте мне презентацию, как я привык, чтобы я мог понять!

Костина растерянность начала вытесняться яростью, руки задрожали, кровь в висках закипела. В глубине организма начала формироваться длинная и витиеватая ответная матерная тирада, но сформироваться не успела. Папарот вдруг совершенно неожиданно перешел на спокойный деловой и почти дружелюбный тон:

– Значит, так, ребята, приходите через две недели. Сделайте мне нормальную презентацию, а заодно принесите структуру, численный состав и функционал. Да, и систему мотивации персонала, включая и вас самих. Всё, привет! Удачи! Извините, я тороплюсь.

Матерная тирада, рвущаяся наружу из Костиной груди, застряла где-то на уровне кадыка. Воронин, красный как рак, опустив глаза, собирал со стола варианты бизнес-плана. Овечкин уже выскочил в приёмную, а Папарот быстро ушёл в комнату отдыха, дверь в которую была сразу за его письменным столом.

Во рту сделалось отвратительно сухо. Сглотнув комок в горле, Костя вышел в холл, примыкающий к приёмной, выпил стакан воды из стоящего в углу кулера, закурил, прокашлялся и заинтересовался у Овечкина, часто ли с Андрюшей случаются такие припадки и где можно получить образец формы презентации, к которой Папарот привык.

В ответ Овечкин, грустно улыбаясь, поведал, что последние несколько лет Андрюша такой психованный практически постоянно, что его свинское хамство по отношению к подчинённым стало уже привычным и что все вообще удивляются, почему до сих пор он ни разу ещё не наезжал на Костю в своей обычной манере.

– Вот теперь и ты видел Андрюшу во всей красе. А бывает ещё хуже.

– Да куда хуже-то? – спросил Костя.

Овечкин ухмыльнулся и добавил, что никакого стандартного образца формы презентации в команде Папарота не существует, так что соображайте, мужики, сами – цифр поменьше, цветных картинок, диаграмм и графиков побольше.

– А чем ему этот бизнес-план не хорош? – удивился Костя.

– Да нормальный у вас бизнес-план, просто захотел вас выебать и выебал. Не переживайте. Это у него обычное дело, – успокоил Овечкин и пошёл куда-то по своим делам.

Овечкинский совет, к сожалению, уже был невыполним. Захлестнула обида. Костя старался в этом проекте как мог, что называется рвал жилы, берёг Андрюшины деньги, не воровал сам и другим не давал. Успехи команды уже были всем очевидны, и вдруг такая хамская блатная истерика, куча несправедливых, незаслуженных оскорблений.

Больше всего, пожалуй, угнетало то, что растерялся и не смог сразу достойно ответить на хамство, не успел послать Андрюшу до того, как тот шмыгнул в свою комнату отдыха. Ника-

ких оправданий себе Костя найти не мог, просто оказался не готов к неожиданной агрессии. Получился мучительный незавершённый гештальт, обида требовала выхода.

Следующие две недели Костя потихоньку разрушался. Накатила бессонница, в голове постоянно крутились разные варианты объяснения с Андреем. Из-за бессонницы повысилась утомляемость, ходил мрачный и раздражительный. Жена Светка, с которой Костя, естественно, поделился своим состоянием и настроением, обиделась за Костю и озверела на Папарота так, что казалось: окажись Андрюша рядом, точно выцарапала бы ему глаза.

Серёга Воронин сцену у Папарота вообще никак не комментировал, только на следующий день в кабинете у Кости, оставшись с глазу на глаз, сказал, что если такое ещё раз произойдёт, он сразу напишет заявление по собственному и уйдёт, пусть Костя имеет это в виду и не обижается. Костя на это задумчиво ответил, что ещё неизвестно, кто из них первый уйдёт, и что при таком к себе отношении он не то что работать на Папарота не будет, а на одном квадратном километре с ним срать не сядет.

Презентацию, о которой визжал Андрюша, слепили общими усилиями, используя в полной мере многоопытного Панасюка. От нормального внятного бизнес-плана оставили только несколько таблиц с самыми главными базовыми показателями, остальное сделали в виде красивых цветных графиков, на которых каждый вариант расчётов выделялся своим цветом. Документ получился забавным – как будто учебник по высшей математике перевели на язык букваря, не хватало только рисунков коровок, цветочков и пастушка.

Дополнительно сделали развёрнутую справку о работе с банками по вышибанию кредитов, остальное, что требовал Андрюша, и так давно уже было разработано. В качестве системы мотивации для себя и управляющей компании Костя написал коротенькую записку о ежегодном премировании в зависимости от уровня и значимости сотрудников. При условии выполнения инвестиционных и производственных планов менеджеры высшего звена должны были получать премию до пятидесяти процентов годового фонда оплаты труда, а обслуживающий персонал – до тридцати.

Что касалось обиды, Костя принял твёрдое решение высказать её Андрею лично в глаза и уже в зависимости от его реакции либо работать дальше, либо послать всё и уходить. Верный друг Светка его в этом полностью поддерживала, твёрдо заявляя, что никакие деньги не стоят Костиных нервов и здоровья. Приняв это решение, Костя успокоился, ходил мрачный, полный решимости, ситуация требовала однозначного разрешения.

Встреча состоялась точно в назначенное Папаротом время, в том же месте и в том же составе. Андрей выглядел свежим и бодрым, встретил очень доброжелательно, с Костей вообще поздоровался как со старым другом. Возникло странное ощущение, что две недели назад их принимал какой-то другой человек.

Дальше всё пошло по прежнему сценарию. Костя докладывал суть бизнес-плана, Серёга Воронин давал пояснения по расчётам. Сценарий был прежний, а Папарот другой, его как будто подменили. Бесноватый, злобный орущий мерзавец превратился в старого доброго Андрюху, которого Костя знал двенадцать лет назад, который был предельно конструктивен и доброжелателен, слушал очень внимательно, задавал толковые уточняющие вопросы, иногда шутил, весьма удачно и к месту.

Обсуждение бизнес-плана заняло минут двадцать. Приняли решение в отсутствие кредитных денег идти на тысячу двести голов дойного стада, плюс шлейф, разумеется, но при этом коммуникации и инфраструктуру делать сразу под две тысячи четыреста и докупить у фермеров ещё земли, чтобы потом, в случае получения кредита или изменения конъюнктуры, можно было быстро и с меньшими затратами развернуться. Папарот, как и Костя, был уверен, что дешёветь земля точно не будет, и рисков в этом не усматривал.

Бюджет расходов на год утвердили быстро, и Овечкин тут же получил указание открыть финансирование. Остальные принесённые Костей документы тоже проскочили без особых

замечаний. Остался последний вопрос – система мотивации. Костя достал из папочки свою записку и протянул по экземпляру Андрею и Овечкину. Папарот записку не взял, резко встал из-за стола, вышел на середину кабинета и весело сказал:

– Так, на сегодня всё. Извините, ребята, опаздываю, жду в правительстве, всё остальное потом.

Воронин и Овечкин быстро собрали бумаги, попрощались и двинулись к выходу. Костя, продолжая сидеть за столом, сказал:

– Андрей, у меня к тебе ещё пара слов.

Воронин с Овечкиным вышли. Папарот дружелюбно улыбнулся и спросил:

– Ну, что у тебя?

При этом к Косте не подошёл, а, наоборот, двинулся в сторону приёмной, Костя вынужден был встать и пойти следом. Догнав Андрея у выхода из кабинета, поймал его взгляд и сказал:

– Андрей, в прошлый раз ты меня оскорбил.

– Да ладно, перестань, какие оскорбления?! Мы же о бизнесе разговаривали.

– Нет, Андрей, я не о бизнесе. В прошлый раз ты оскорбил моё человеческое достоинство.

– А, ну вот мы с тобой по этому поводу и выпьем как-нибудь водки, там, на усадьбе, на берегу пруда.

Папарот широко улыбнулся, дружески хлопнул Костю по плечу и выскользнул в приёмную. Костя вынужден был выйти следом. Андрей деловито давал своим секретарям какие-то указания. Костя попрощался, махнул рукой сидящему в холле Овечкину, прошёл во двор к машине, сел за руль, закурил и спросил сам себя:

– Интересно, блядь, это можно расценивать как извинения и сожаление или нет?

Ясно было одно: на большее Андрюшина гордыня ему пойти не даст. С одной стороны, поведение и слова можно было бы зачесть как извинения, а с другой стороны, мучили сомнения: уж больно это было похоже на хитрый маневр. Папароту определённо было невыгодно допускать Костин уход, а в случае непогашения конфликта уход был неизбежен, Костин характер Андрей знал давно. Прямых и ясных извинений от него ждать точно не следовало. Гордыня у Папарота и раньше временами зашкаливала, проскакивали проявления мании величия, а после десятка лет в руководстве крупнейшей государственной монополией, похоже, победила его окончательно. Как говорится, «Я князь тьмы! Всем сосать!»

Понимание ситуации было полным и ясным, но легче от этого не становилось. Надо было либо уговорить себя и принять папаротовский пассаж как извинения, либо, проявив твёрдость, послать всё в жопу и отваливать. На грустные мысли наводило и то, что Андрюша опять вернулся от обсуждения системы мотивации.

«Неужели всё-таки хочет наебать? – думал Костя. – При его уровне и положении это как-то мелко и пошло».

По факту выходило, что Бузин и все старые Костины товарищи по бизнесу были правы. Андрюша однозначно намеревался Костю обмануть, использовать по максимуму, потом устроить истерику и выгнать. Как выглядит Андрюшина истерика, Костя теперь знал, видел своими глазами.

Следующая встреча с Папаротом должна была состояться в рабочем порядке, месяца через два-три, где-то в середине весны; времени на то, чтобы всё спокойно обдумать и взвесить, было предостаточно. Костя вспомнил Скарлетт О’Хара: «Я подумаю об этом завтра». Усмехнувшись, завёл машину и не спеша покотился к себе в офис. Сидящий рядом Серёга Воронин выглядел вполне довольным.

Включился привычный механизм существования – делай что должен, и будь что будет. Проект ждал. Проект был живой. Проект рос. В конце концов, там были живые люди: и в сто-

лице в офисе, и на месте в хозяйстве. Проект требовал беспрестанной заботы и управления, как дурной пацан-подросток – только отвернёшься, а он уже триппер подцепил или анашу курит.

Хрен с ним, с Папаротом, деньги даёт, и ладно. Об остальном подумаем завтра, сейчас некогда. Сейчас надо работать. Стиснуть зубы и работать, сельское хозяйство из говна вытаскивать. Хотя в успех мероприятия верилось всё меньше и меньше. Слишком глубока была колея, слишком тяжёл был воз, слишком много кругом было разной сволочи, пытающейся обобрать, обмануть, украсть или просто нагадить. А помогать желающим совсем не было, враньё государевых людишек всерьёз принимать не приходилось. В активе были только папаротовские деньги и своя, тщательно подобранная команда.

Очередная поездка в хозяйство даже доставила некоторое удовольствие. Смирнюк в целом взял ситуацию под контроль, все поставленные задачи выполнялись. Подготовку к севу закончили, даже успели закупить у французов семена гибрида кукурузы, подходящего для нашей климатической зоны, план посевов составили, с немцами согласовали.

По Костиному поручению Александр Рафаилович проработал структуру хозяйства, функционал и штатное расписание, в результате чего удалось без ущерба для дела сократить ещё человек пятнадцать. Оставшиеся крестьяне как-то подтянулись, в глазах появились проблески осмысленности. На лицах вместо тупого равнодушия появилась озабоченность, даже одеваться стали как-то почище.

Всякие областные, районные и федеральные чиновники разных уровней временно особо не беспокоили, в хозяйство лезли мало и взятки почти не клянчили. Смирнюк сам время от времени катался в областной центр на разные совершенно бессмысленные совещания по сельскому хозяйству, которые обожали устраивать Удав-губернатор и его замы.

На этих совещаниях чинуши с серьёзными лицами пытались руководить директорами хозяйств, командовали, кому, когда и сколько пахать, сеять и убирать, несли прочую ахинею, не имеющую никакого отношения к рынку и рыночным отношениям. Было полное ощущение, что эти люди отстали от жизни лет на тридцать и до сих пор ощущали себя представителями власти при коммунистическом режиме, секретарями райкомов и обкомов. Директора хозяйств злились на них за напрасно потраченное время, посмеивались над их глупостью, но игнорировать не могли: от чиновников зависело получение из бюджета разных субсидий и дотаций. По Костиному глубокому убеждению, минимум три четверти этой публики надо было безжалостно сокращать, а всем их сельхозуправлениям оставить исключительно статистические и контрольные функции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.